



#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Рута Шейл

#ДВОЕДУШНИЦА

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Мертвым не место среди живых, живым нельзя находиться среди мертвых. Но что, если кто-то нарушит правило и обманет саму смерть? Сломанный порядок превращается в хаос. Ненависть, безумие и страх — всего лишь малая часть той цены, которую заплатит каждый за стремление Ники вернуться с изнанки города. Исправить ошибку сможет только тот, ради кого она была совершена, — или его заклятый враг, долгие годы мечтающий о мести.

Вторые души выходят на охоту, еще не зная, что добыча в ней — они сами.

Рута Шейл

Двоедушница

© Рута Шейл, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Порядок

— Бо! Эй, Бо, а пропуск?

Пришлось возвращаться. Кивать, здороваться, натянув виноватую улыбку, и шарить по карманам в поисках мятой карточки. Раньше она всегда улыбалась. Надо вести себя так, словно ничего не произошло.

Отыскав нужную бумажку, Бо шлепнула ее на стол у входа и рванула обратно к лестнице, пока охранница не расставила десяток новых ловушек вроде «как дела» и «ты сегодня какая-то странная». Не сейчас, не сейчас, не сейчас!

Тяжелые ботинки привычно пересчитали вмятины на ступенях: до отвращения обычных — таких же, как вчера и позавчера, и двадцать, и сорок лет назад, когда Бо еще на свете не было.

Все обычное раздражало, потому что *сама она* уже не была прежней.

На то, чтобы раскроить ее жизнь на... даже не до и после, а — «есть Бо» и «нет больше Бо» — понадобилась пара секунд. И теперь вместо нее по скрипучему паркету бывшего доходного дома опрометью мчался некто другой. Только выглядел так же — каштановые волосы до плеч, карие глаза, длинный нос. Огромные кислотно-зеленые наушники на шее и бежевый свитер тоже походили на вещи Бо. Но не все остальное...

Миновав закрытые офисы рекламного агентства и детского центра развития, она распахнула последнюю дверь со скромной табличкой «Служба психологической помощи». Зал для тренингов был пустым и темным, вдоль стен чернели сдвинутые рядами стулья. В дальнем конце виднелась еще одна комната, сквозь щели приоткрытой двери оттуда пробивался свет. На него и устремилась Бо, которая стала теперь не-Бо, но еще не придумала, как себя называть.

Машенька подмены не заметила. Подняла голову, обвела вошедшую сонным взглядом и снова клюнула носом стол.

— Божечка, ну наконец-то... Никто не поверит, если я скажу, что ты тоже умеешь опаздывать. — Коллега зевала и бормотала себе в ладони. — И как ты по ночам сидишь тут одна? Мне все время мерещилось, что за дверью кто-то ходит.

Все всегда задавали ей этот вопрос. Кажется, раньше она отделялась общими фразами...

— Дома еще страшнее.

Бо обитала в паре кварталов от работы в старой однушке с прогнившими трубами и худыми оконными рамами. Стены единственной комнаты были оклеены обоями непроницаемо-черного цвета — одна из причуд матери, которых во время болезни стало так много, что дочь перестала спорить. У Бо всегда можно было вписаться и переночевать. Взамен она просила пакет кефира и буханку хлеба, а за пачку сигарет разрешала пожить подольше, «только в подъезде не курите, фашистики, лучше уж в форточку».

Отец ушел из семьи, как только ей исполнилось восемнадцать. Матери не стало прошлой зимой, и теперь Бо жила одна. Сама не заметила, как стала маленькой королевой кухонных посиделок и долгих бесед по душам, и всегда соглашалась на ночные смены, потому что до плача и скрежета зубовного ненавидела воющие трубы, дырявые оконные рамы и черные обои.

Бо приезжала на работу на раздолбанной ржавой «Волге» — пешком выходило бы

быстрее, но она день за днем заводила механическое сердце, опасаясь, что, если не будет этого делать, ее старушка тихо скончается в гараже от тоски и одиночества. На светофорах автомобиль глох, количество часов, проведенных за рулем, никак не переходило в качество, к тому же ее часто останавливали для проверки документов — невысокая, скуластая, с детскими чертами лица, Бо казалась подростком, который самовольно сел за руль чужой машины.

Хоть и давно уже им не была.

Днем аспирантура, ночью — этот вот кабинетик в два стола, два жестких стула и одно кресло-мешок, заменяющее постель ночному консультанту телефона доверия Божене Лавровой. И штаб поисковиков — чтобы гарантированно заполнить каждый не дай бог свободный час.

Ночью звонили реже, но жестче. Бо привыкла и к этому. В перерывах между телефонными сессиями можно было поспать, а спалось здесь изумительно.

Только не этой ночью. Да и вряд ли еще когда-либо она сможет *изумительно* выспаться.

Устало шурясь, Машенька что-то дописывала в общей тетради.

Бо сжалась в кресле. Раньше она первым делом включала чайник и заливала кипятком растворимый кофе. Пора бы об этом забыть.

Она уже не та, что раньше. Для таких, как она, есть специальное слово. Единственное. Самое верное.

Бо произнесла его мысленно — словно порвала последнюю ниточку с собой прежней. И повторила вслух — для Машеньки. Нашла, на кого проблемы сваливать...

— Мащ, Маша-а... я человека убила.

Скрипнула инвалидная коляска. Коллега откатилась от стола и развернулась к Бо с испуганным видом.

— Что-о?

Если б заплакать, стало бы легче. Хоть бы голос дрогнул. Но он не дрожал.

— Я только что сбила мотоциклиста.

— Божечка... — Здесь было кому плакать за нее.

— Когда начала поворачивать, я его не видела. У меня и скорость была небольшая, это он летел как на тот свет. Но если что, скажут, что виновата я, не пропустила помеху справа... Господи, ну почему? За что мне это? Разве нормальный человек станет гонять на мотоцикле зимой?

Сверкая спицами в колесах, кресло-каталка отодвинулось к вешалке. С каменным выражением лица Машенька принялась натягивать куртку.

— Плохо, что ты уехала, — заговорила она с внезапным спокойствием — иным, чем у Бо. Это была решимость ее спасти. — Скажи, где все произошло, я посмотрю, что там сейчас. Возможно, он еще жив. Надо вызвать «скорую». Это совсем другая статья. Ой, как же плохо, что ты уехала...

— Он сам меня прогнал.

— Прогнал? — Машенька замерла вполоборота, уставившись на стену с рекламными плакатами. — Так ты с ним говорила?

— Я вышла проверить. — Бо начало потряхивать, и она сунула ладони между коленей, чтобы унять дрожь. — Он лежал. Мотоцикл сверху. И кровь я видела. Но шлем он снял сам. И сказал так странно...

— Еще бы не странно, — вмешалась Машенька, но Бо не позволила себя перебить:

— Сначала про хаос. Мол, скоро наступит хаос, живые начнут видеть мертвых и сами захотят стать мертвыми. А потом...

В полумраке кабинета эти слова, произнесенные ее монотонным голосом, прозвучали как чертовы бредни местных телефонных маньяков:

— Потом обругал меня, велел проваливать и срочно найти какого-то Антона Князева, который знает, что делать.

— Раз обругал, значит, жить будет, — резонно заметила Машенька. — Жди. Я позвоню, когда что-нибудь узнаю. Где он?

— Перекресток Звездинки и Алексеевской.

— Поняла, — кивнула она. — И это... Замену себе найди. Турищеву звякни, он на подъем легкий. Работать все равно не сможешь. Тебе самой сейчас психолог нужен.

Оставшись в одиночестве, Бо щелкнула кнопкой чайника и снова устроилась в ямке кресла-мешка.

Она всегда мечтала помогать людям.

Даже не так.

Она всегда мечтала быть нужной. Еще лучше — незаменимой, поэтому с готовностью хваталась за все, от чего отказывались другие. Когда пропадал человек, Бо в первых рядах ползала по городским развалинам, обшаривала чердаки, смело расспрашивала торчков и бомжей. Впаривала листовки бомбилам.

В службе доверия ей по умолчанию принадлежали ночные смены. Бо уверяла, что ей так удобнее, и действительно свыклась с тем, что писать научную работу приходилось прямо здесь, разложив на коленях ноутбук. Все ее распечатки и книги давно поселились в офисе. Дома она появлялась лишь затем, чтобы принять душ и переодеться, ведь мир казался потрясающе стабильной штукой, только когда мобильный разрывался от звонков и сообщений: «Бо, срочно приезжай, без тебя никак».

Все это наполняло ее жизнь, словно синтепон — туго набитого игрушечного медвежонка. Все это и было ее жизнью. Настоящая Бо начиналась там, где случалась беда, и все остальные, наоборот, заканчивались.

Теперь беда с ней самой, а она спасовала. Сбила человека и сбежала, даже не попытавшись помочь.

Тщательно выпестованный годами социальной работы «образ Я» покрылся трещинами, угрожающе похрустывал и грозил вот-вот прекратить свое существование.

Чайник закипел и отключился. Одновременно с этим ожил рабочий телефон.

Она снова была кому-то нужна.

Только прежней Бо больше нет.

Турищеву так и не позвонила — вот и разгребайся.

— Телефон доверия. — Представляться своим псевдонимом не хотелось, и Бо назвала Машенькин: — Консультант Елена, я вас слу...

— Божечка! Не волнуйся, он здесь, живой. — Каждое слово, сказанное этим спокойным голосом, словно снимало с плеч очередной камень. Бо начинала понимать, почему у Машеньки так много «зависающих» — тех, кто звонит, чтобы поговорить именно с ней и неважно о чем. — «Скорую» прохожие вызвали, я дождусь вместе с ними. Узнаю, в какую больницу его отвезут, и навещу потом. Поспрашиваю осторожно. Не переживай, все обойдется.

Тишину кабинета разодрал вой сирен. И за окном, и в трубке. Наверное, не только врачи,

но и полиция, так ведь положено.

Колючий свитер противно прилип к спине. Бо непроизвольно съежилась, словно это могло сделать ее более незаметной. Словно ее уже разыскивали.

— Приехали, — подтвердила Машенька. — Я перезвоню.

Короткие гудки. Бо положила трубку на рычаг осторожно, будто ядовитую змею.

Ей все еще слышался голос того парня на мотоцикле. *Живые начнут видеть мертвых и сами захотят стать мертвыми.* Как человек, который, общаясь, привык ориентироваться только на слух, Бо была очень чувствительна к интонации и тембру.

Он явно верил в то, что говорил, и умел заставить поверить других.

Достаточно того, что сама она покинула место ДТП по одному его слову, прекрасно понимая, чем это может грозить.

Как же он сказал?..

Стоило только об этом задуматься, те самые интонация и тембр проигрались в голове четко, будто с диктофонной записи: «Я не успел. Антон знает, что делать. Найди Антона Князева». И еще неразборчиво, похоже на «Лика» или «Ника». Скорее второе, вот так: Ни-ка. Бо проговорила одними губами, чтобы убедиться. Вышло похоже.

Потом он потянулся к одному из карманов, болезненно вскрикнул — точно так же, как когда снимал шлем, этот звук она тоже отчетливо помнила — и прошептал: «В правом верхнем, забери».

Бо послушалась. Протянула руку и достала ключ. Маленький, плоский, как от почтового ящика.

Байкер снова забредил про хаос. Ей пришлось наклониться, чтобы разобрать слова. Когда он говорил, у него на губах блестела кровь. Тогда она подумала, что все гораздо хуже, чем показалось вначале, а он открыл глаза, убедился, что она все еще здесь, обложил руганью и повторно послал к Князеву.

Теперь, наверное, уже не актуально. Раз он выжил, то незачем ей вмешиваться. Да и как искать этого Князева? Все равно что какого-нибудь Иван Иваныча. В таком-то огромном городе.

Бо нащупала в кармане телефон, ради любопытства зашла в одну из социальных сетей и выбрала «поиск». Запрос выдал почти семьсот человек. Отфильтровала по месту жительства — осталось двадцать. Уже лучше, конечно. Без адресов, а некоторые и без фото. Возможно, его вообще здесь нет...

Не будет она никого искать. Как бы саму в розыск не объявили. И ключ вернет, только позже, когда все немного утихнет.

Пока эта вещь у нее, парень ничего не расскажет полиции.

Потому что Бо ему нужна.

— Не знаю, как ты, а я бы его из своей постели не выкинула, — резко севшим голосом заявила Женька Дроздова, как только поняла, о ком именно говорит подруга. — Тоже, что ли, ногу сломать? Не думала, что это делает людей такими популярными.

И ведь не шутила, хотя минутой раньше с ужасом восклицала: «Маньяк? Преследует? Тебя-я?» Держала за руку, гладила по плечу и заглядывала в глаза с вежливым сочувствием агента похоронного бюро. А сейчас прядь волос на палец наматывает и расстреливает «маньяка» очередями взглядов из-под фальшивых ресниц.

Бесполезно. Тот смотрел только на Арсенику. Видел ее одну.

Их разделял газон, решетка ограды и узкая полоска тротуара. Девушки двинулись в противоположную сторону — к воротам. Но Арсеника знала, что преследователь тоже обогнет институтскую территорию и встретит их напротив выхода.

Просто ждать.

Он не приблизится и не сделает попытки заговорить, а если сама она шагнет навстречу, его мотоцикл тут же отчалит от обочины и затеряется в потоке машин. И это не будет выглядеть побегом, скорее, ленивым отступлением. На следующий день все повторится в точности. Как раньше.

Он поджидал ее возле института и молча провожал до остановки. Пару раз мелькал у дома. Однажды Арсеника с замиранием сердца наткнулась на знакомый черный байк прямо посреди парковки кинотеатра.

Она постоянно, неотвязно, круглые сутки чувствовала на себе взгляд своего молчаливого конвоира. Даже там, где его быть не могло. В гостях у подруг, в ванной комнате, в собственной постели Арсеника не могла отделаться от ощущения его присутствия. Того, как он смотрел на нее.

Без злости, без агрессии, без ненависти.

Так, словно ее уже не было.

Так, словно она — покойница. И он знает точную дату смерти, потому что сам ее назначил.

Арсеника жила в ожидании конца. Вздрагивала от каждого звука. Засыпала и даже во сне помнила о том, что может не проснуться.

Она жила и не жила одновременно.

К тому же ее собственная мать с самого начала вела себя странно. Задавала вопросы о прошлом. Словно бы невзначай упоминала дальних родственников или дурацких детсадовских воспитателей, которых Арсеника почему-то должна была помнить. Или еще хуже — подмечала новые привычки дочери, ее покупки, глаза, густо подведенные черным, внезапно проснувшуюся любовь к ночным клубам и шумным компаниям. И нелюбовь к беседам с матерью.

А с чего она должна была их любить, когда за любым, даже самым невинным вопросом таился подвох?

Пока что Арсенике удавалось выжимать ответы из памяти той, чье тело она уже привыкла считать своим собственным. Каждую родинку, каждый бледно-розовый ноготь. Ровные зубы, блестящие волосы. И это лицо — словно чистый лист: тонкие черты, яркий изгиб бровей под челкой, уголки губ, опущенные вниз... Все это было ее, Арсеники. Это она

дышала, двигалась, смеялась шуткам друзей. Это она искала чужие взгляды, впитывая их всеми пограми кожи, и хотела жить, каждый день проживать, как последний. Влюбляться... и чтобы ее любили тоже.

Вот только память — таяла. Не исчезала совсем, а словно скрывалась, уходила в глубину, подальше от настойчивого внимания новой владелицы. Воспоминания ей не принадлежали, и чем дальше, тем сложнее становилось извлекать их наружу.

Арсеника надеялась на то, что рано или поздно матери надоеет ее проверять. Сама же устанет от собственного недоверия и успокоится.

И лучше бы пораньше...

Попутно приходилось думать о том, как избавиться себя от внимания назойливого поклонника. Этого чертова Ландера. Даже мысленно произнося его фамилию, Арсеника едва сдерживалась, чтобы не начать оглядываться.

Выход нашелся неожиданно. Будто сама судьба подсказала.

Загнанный в угол хищник нападает, а Арсеника считала себя хищницей. К тому же гордилась своей способностью мгновенно принимать решения.

Осенило, когда в институте она нос к носу столкнулась с Павлом Нелидовым, владельцем злосчастного клуба «Volucris».

При виде Арсеники светловолосый красавчик изменился в лице и попытался слиться с толпой. Не вышло. Необязательно было прибегать к чужой памяти, чтобы догадаться — он ей должен и должок отдавать не собирается.

— Ник, ты это... — Поняв, что объяснений не избежать, Нелидов мялся, бледнел и прятал глаза. Арсеника же, наоборот, упивалась собственной уверенностью. Забрав из его рук стаканчик с кофе, она сделала глоток и терпеливо подождала, пока он выдаст достаточно убедительные оправдания тому, что чуть ее не угробил, заперев в том подвале. Но так и не дождалась. — Ты вообще как себя чувствуешь? Выглядишь, кстати, классно.

Наивный. Надеется отделаться комплиментами.

— Врачи говорят, только чудом выжила, — отчеканила она безжалостно. — Еще бы немного, и не спасли.

— Слушай, ну я же не знал, что Виктор и есть тот маньяк. — В этом месте Арсеника нарочито громко хмыкнула. — Он сказал, что побеседует с тобой и отпустит. А потом вы оба пропали. А Валерия Карпович... Погибла, знаешь?

Имена вызывали смутные ассоциации. Наверное, полагалось посочувствовать, но Арсеника даже не попыталась состроить подобающее выражение лица.

— Видимо, ее он тоже того. В общем, я честно не думал, что так получится. Столько проблем сейчас с этим клубом... Репутация убита, хоть вообще закрывайся. Отец рвет и мечет...

— Мне нужна твоя помощь, — произнесла она негромко.

— А?

— У тебя должны быть связи, — уточнила Арсеника, которую меньше всего на свете волновали нелидовские проблемы с бизнесом. — Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. В знак того, что у нас больше нет друг к другу никаких претензий.

— У меня и так нет к тебе никаких, как ты говоришь, претензий, — вяло огрызнулся Нелидов и дернулся в сторону, давая понять, что разговор окончен, но Арсеника придержала его за рукав.

— Зато у меня их выше крыши. — Если сейчас дать слабинку, соскочит, и больше она его

не увидит. — Я ведь до сих пор не рассказала следователю о том, что ты тоже участвовал в моем похищении.

— Ах, ты... — задохнулся красавчик, однако язык прикусил. Оставил свое веское мнение при себе.

— Меня преследует один человек, — быстро проговорила Арсеника в возникшую паузу. — Избавься от него, и будем считать, что мы в расчете.

Притих, отвернулся. Варианты прокручивал. Сразу видно, деловой человек.

— Тут ты не по адресу. — Говоря, он взвешивал каждое слово. — Мои ребята на такое не пойдут. Сам я тоже.

— О'кей. До встречи в суде, — Арсеника развернулась на каблуках. Настала очередь Нелидова ее останавливать.

— Подожди. Телефон свой дай.

— Телефон?

— Трубку. Давай сюда.

По-прежнему ничего не понимая, Арсеника протянула ему мобильный. Нелидов по памяти набрал номер, но звонить не стал. Вернул обратно.

— Сохрани. Это Вика контакт. Пару раз обращались по клубным делам. Все было в порядке. Скажешь, что намечается вечеринка с фаершоу. Только меня не упоминай и с деньгами сама разбирайся. Да, и вот еще что...

Снова этот взгляд. Как у Ландера. Словно на мертвую. Чертова паранойя. Она жива, *жива!* Это они скоро станут покойниками!

— Не вздумай, слышишь? — прошипел он ей на ухо и больно стиснул локоть. Несколько проходивших мимо студентов обернулись, но вмешиваться не стали. — Не вздумай снова ко мне подходить. Иначе по этому номеру позвоню я сам. И назову твое имя.

Арсеника сжала телефон во влажной ладони и отступила к доске с расписанием. Уставилась на строчки, но они расплывались перед глазами. Выждала, пытаясь унять бешеное сердцебиение, издали помахала Дроздовой, жестом дала понять, что занята.

И нажала кнопку вызова за мгновение до того, чтобы передумать и сбросить набранные Нелидовым цифры вникуда.

На том конце ответили сразу. Еще один шанс откатить все назад оказался упущен.

— Да. — Голос слишком молодой. И сонный какой-то.

— У м-меня скоро будет вечеринка, — запинаясь, выговорила Арсеника. — С фаершоу. Мне сказали, вы можете помочь.

— С огоньком? — Абонент слегка повеселел. Во всяком случае, взбодрился: — Уверена, что тебе это нужно?

— Да, мне это нужно.

— Где ты находишься?

Арсеника назвала улицу. Собеседник шумно выдохнул. Или зевнул.

— Город, говорю, какой?

Он растягивал слова, не слишком чисто выговаривал звук «р» и нравился ей все меньше. Стопроцентная подстава. Напрасно она так оголтело доверилась Нелидову и сразу бросилась звонить.

Город какой... Еще бы страной поинтересовался!

Выслушав ответ, он ненадолго замолчал. Все это время Арсеника слышала щелчки компьютерной клавиатуры.

— Вечером буду, — сориентировался несолидный киллер. Назвал ей торговый центр. Арсеника знала, где это. — До связи.

Вот и все. Так же просто, как заказать доставку пиццы.

Деньги она найдет. У матери отложено, того же Нелидова можно снова напрячь, чтобы не думал, будто легко отделался.

Выкрутится. Только бы все получилось.

Арсеника нашарила в кармане номерок гардероба и застыла у окна.

Ландер привычно дополнял собой окружающий пейзаж. Чернел за воротами с этим своим вечным угрюмо-отсутствующим выражением лица.

Что именно с ним произойдет, Арсенику не интересовало. Она даже не будет требовать подтверждения выполненной работы.

Главное — чтобы его не стало.

Ладонь с полупрозрачными пальцами легла на оконное стекло, закрыв часть улицы и фигуру парня на мотоцикле. Вынесла его за скобки. Стерла с картины мира.

Прохладная поверхность стекла запотела от прикосновения.

Чтобы его не стало. Вот так.

Было холодно и жарко одновременно. Спина взмокла. Шарф прилип к шее и, наверное, натер ее до красноты. От озноба не спасала ни печка, к которой она специально придвинулась, ни музыка в наушниках. В окно Арсеника не смотрела. Считала остановки до нужной и искоса поглядывала на сменяющиеся внизу ботинки пассажиров.

Знали бы эти люди, куда именно она едет...

Будто в тумане, она вышла из автобуса и вместе с остальными влилась во вращающиеся двери торгового центра. Попутчики разбрелись по магазинам, но она пришла сюда не за этим.

Арсеника снова набрала номер. Готовилась к тому, что все отменится, и она просто вернется домой.

Не отменилось.

— В «Ашан» заходи, — велел тот же неторопливый голос. — И иди туда, где колбаса.

Кажется, это называется когнитивный диссонанс. Вместо встречи в уединенном месте — супермаркет? Там же везде полно народу...

Или не ходить? Развернуться, пока не поздно. Она — заказчица преступления. Со стороны Нелидова было бы очень остроумно избавиться от нее подобным образом.

Нет, пока что не заказчица. Просто покупатель. Такой же, как все остальные.

Арсеника решила взглянуть издалека. Если что, сбежать она всегда успеет. Подхватила ярко-красную корзину для покупок и смело углубилась в торговые ряды. Делала вид, что увлеченно рассматривает товары, а сама едва сдерживалась, чтобы не ускорить шаг.

Где здесь этот чертов колбасный отдел?

Нашла. И сразу вычислила *того самого*, даже несмотря на то, что кроме него у прилавков ошивались еще несколько человек.

Его голос очень к нему подходил. Такой же несуразный.

Арсеника ощутила укол разочарования. Черный пиджак, черная футболка. Красные «конверсы» — ага, в феврале. Темные волосы выстрижены прядями разной длины и топорщатся на затылке, как у певицы Земфиры. Одной рукой держит надкусанный пирог, запястье пересекает ярко-красный браслет пластиковых часов. Вторая рука в кармане.

Узкоплечий, subtilный и ростом ниже самой Арсеники. Ладно, без учета ее каблучков, наверное, такой же... Короче, против Ландера — ни о чем.

Так она и думала.

Когда он обернулся, Арсеника почти что собралась уйти.

— Привет!

Голос из телефонной трубки. Глокает «р» и тянет гласные. Неуловимая, но отталкивающая неправильность черт. И глаза — настолько черные, что кажется, будто парень под наркотиками.

— Как думаешь, съедобно?

Она поперхнулась воздухом и закашлялась. Скользнула взглядом по содержимому холодильника.

— Н-не знаю. Наверное.

— О'кей.

Мальчик-Земфира кинул пачку нарезки в тележку, где уже лежали упаковка пива, чипсы и несколько коробок замороженной пиццы.

— Дев. — Протянув свободную от еды руку, он слегка сжал вспотевшую ладонь Арсеники. От него сильно пахло туалетной водой. Запах напоминал чернила потекшей шариковой ручки, испачкавшие страницы только что купленной книги.

— Ар... Ника.

— Арника?

— Просто Ника, — поправила она, внезапно разозлившись.

— О'кей, — повторил он, как ни в чем не бывало. — Тебе здесь что-нибудь нужно?

Вместо того чтобы говорить о делах, ей предлагали затариться продуктами!

Арсенике снова начал мерещиться обман. Этот Дев — интересно, а что полностью? Девид? Девлет? Девнидий какой-нибудь? — выглядел студентом-второкурсником физфака (по мнению Арсеники — пристанища самых ботанических ботаников, в смысле, физических физиков), который в свободное от зубрежки время подрабатывает здесь же, в торговом центре, скажем, консультантом по бытовой технике. И вся его бравада про другой город — езда по ушам и запудривание мозгов. Может, цену себе набивает или криминальных романов начитался. В общем, напрасная трата времени.

— Мне ничего не надо, — сказала Арсеника холодно.

— Пошли тогда. Голодная?

— Нет.

Каждое произносимое ей слово исходило стужей, как вынутый из морозилки кусок льда. Еще немного, и она начала бы выдыхать пар, словно на тридцатиградусном морозе.

— А я б пожрал. Пять часов без остановки. Не рассчитал маленько.

И набил рот остатками пирога. Жирные пальцы вытер прямо о штанину.

Теперь еще и не отвяжешься...

Просто распрощаться без объяснений? Имеет право.

Арсеника еле дождалась, пока он расплатится на кассе и упакует купленное в шуршащий фирменный пакет. Напрасно медлила — когда начинал говорить Дев, вставить слово становилось проблематично.

— Есть здесь какой-нибудь фудкорт или типа того?

Попутно он выковыривал языком из зубов остатки начинки.

Пока Арсеника вникала в суть вопроса, разобрался сам — поводил пальцем по

свещающемуся табло и радостно цыкнул:

— Третий этаж. Гоу на эскалатор.

— Да вот же... — Она кивнула в нужную сторону. — Лифты рядом.

По его лицу пробежала едва заметная судорога.

— Я не езжу в лифтах.

Вот тут бы ей и сбежать, сославшись на внезапную занятость, но стоило им оказаться на ступенях эскалатора, Дев заговорил о важном.

— Обо мне откуда узнала?

— Э-э... — Вопрос застал врасплох, а придумать ответ заранее она не догадалась. — От Виктора. В смысле, Вика.

— Понял. — Вместо того чтобы стоять спокойно, он то и дело высматривал что-то то вверх, то вниз. — Как у него?

Решила не громоздить вранье.

— Пропал без вести.

— Печально, — без тени грусти в голосе отозвался парень. — Так, куда дальше?

Арсеника наугад махнула рукой и вдруг поняла, что именно ее напрягает.

С какой стати он вообще раскомандовался? То пошли, то поехали. Логист чертов.

Скрипнула зубами, но решила терпеть, раз уж разговор завязался.

Очередной подъем. Дев стоял чуть выше и барабанил пальцами по поручню. Прямо перед глазами Арсеники маячило его запястье, плотно обхваченное пластиковым браслетом «Swatch». Черный циферблат в красном корпусе пестрел картой звездного неба так, что стрелки сливались. Восемь? Нет, половина девятого.

Из-под приподнятого рукава пиджака виднелось несколько темных волосков. Арсеника отвела взгляд.

Привкус чернил разве что на языке не перекатывался.

В ресторанном дворике на одежду и волосы набросилась очередная волна запахов. Арсеника старалась дышать через раз, зато Дева, похоже, все устраивало. Набрав целый поднос фастфуда, он приземлился за один из столиков. Арсенике достался кофе, купленный просто так, безо всякой просьбы. Наемный убийца решил ее угостить.

Сидя напротив Дева, она рассеянно наблюдала за суетой возле касс. Сделала глоток из своего стакана, обожгла язык, расхотела пить.

Интересно, он вообще способен думать о чем-то, кроме еды?

Неужели один человек может столько слопать?

А главное — почему она-то все еще здесь?

Арсеника подперла подбородок ладонью, прикрыла сжатым кулаком нос и губы. От вони жаренной в масле картошки и горячего майонеза ее слегка мутило.

— Здесь не слишком много свидетелей? — процедила она сквозь пальцы.

— Не-а.

Расправившись наконец с едой, ее визави откинулся на спинку стула и делал теперь то, что раздражало не меньше всего предыдущего — гонял зубочистку из одного уголка рта в другой.

— То, что ты видишь в телике, не имеет нифига общего с реальностью, — заявил он тоном церковного проповедника, не считая того, что через каждое слово простуженно шмыгал носом. — Тебе говорят, что повсюду глаза и уши. Что каждый твой шаг кем-то отслежен и где-то там зафиксирован. Тебя тупо паранойят. Качественно запаранойенный

народ — что? Правильно, слишком занят своей паранойей. Запугать одного человека — проще простого. Запугать толпу еще проще, чем одного человека. А знаешь, как все обстоит на самом деле? Все мы нафиг никому не нужны. Но это, блин... — Тут он потянулся за скомканной на подносе бумажной салфеткой и шумно в нее высморкался. За это время Арсеника успела потерять нить беседы, но Дев договорил: — Экзистенциальная тоска.

Она с трудом подавила зевок.

— Мы живем в мире, где всем друг на друга насрать. — Тоже еще, Евангелие от убийцы. Если не врет, конечно, а то, пожалуй, это единственный момент, делающий вышеописанное мало-мальски забавным. — Мне — на тебя. Тебе — на меня. Им, — на этих словах Дев неопределенно мотнул головой, — на всех остальных. Мы можем сидеть здесь и обсуждать сценарий порнофильма. Можем делать под столом разное, главное, сохраняй покерфейс, как сейчас, — нет, стоп, сделай, как было, да ладно, не напрягайся ты, я просто к примеру. Уверю, никто не заметит, а если заметит, то мысленно окрестит придурками и пойдет себе дальше. Ты можешь сказать мне: «Дев, дружище, не мог бы ты замочить моего приятеля? Достал уже в край». А я отвечу: «Хед-шот с дигла, никаких проблем». И это будет звучать как бред двух ушпиленных подростков, попутавших контру и реал, а на таких насрать даже тем, кто вообще-то считает себя филантропами. А ты, девочка Ника? Кем ты себя считаешь?

Арсеника не сразу нашлась с ответом. Не хватало еще, чтобы и этот смотрел на нее, как на пустое место. Философ комнатный.

— Я... я... — начала она. Огляделась, сбавила громкость. Подалась вперед, почти легла грудью на стол и уставилась в насмешливые карие глаза с бешеным желанием прибить их владельца если не словом, то взглядом. — Не собираюсь перед тобой отчитываться, ясно? Ты даже на убийцу не похож.

— А на кого я, по-твоему, похож? — Изогнутая бровь, снова зубочистка туда-сюда. За весь мир Арсеника ручаться не стала бы, но этому точно на всех наср... Кроме себя и своих высосанных из пальца измышлений.

— На лузера, — ответила она резко.

— Ого!

— Ты самого себя-то защитить сможешь? В реале, не в игре? — Арсеника понимала, что ее несет, но ничего не могла с собой поделать. Остальное вырвалось само. Слишком долго копилось внутри: — Хотя куда тебе до Ландера...

Сидевший напротив парень замер. Перестал шевелиться и, кажется, дышать тоже. Она, конечно, рассчитывала на эффект от своих слов, но чтоб настолько...

— Игнишн здесь? — спросил он недоверчиво. Судя по реакции, «контакт Вика» был неплохо осведомлен.

Арсеника кивнула.

— То есть сейчас ты хочешь, чтобы я устроил охоту на неживого?

— Теперь он живой.

То, что она увидела дальше, заставило пожалеть о знакомстве с Девом гораздо сильнее, чем прежде. Не потому, что она не верила в способность этого мутного парня ее защитить. Не потому, что не знала, как сообщить ему об этом и расстаться без неприятностей.

Он изменился.

По-прежнему глядел на нее, но явно видел перед собой кого-то другого. Это новое выражение проступало на его лице постепенно, словно было результатом искусной актерской игры, когда добродушно-придурковатый вид перестает быть таковым и прямо на

глазах приобретает безумные черты. Да, именно так — в его прищуре, в улыбке одними уголками губ и даже в странном коротком прозвище, которым он представился, отчетливо читалось нечто *дьявольское*.

И это его она только что называла лузером? Самоубийца. Инстинкт самосохранения напрочь отморозен.

— Как же, интересно, ему удалось *ожить*? — вкрадчиво поинтересовался Дев. Даже говорил он теперь иначе — едва ли не четче самой Арсеники.

— Вернулся с изнанки города, — прошептала она. — Вместе со мной. Мы оба были вторыми душами. Я заменила близкого ему человека. Он никогда мне этого не простит.

И подпрыгнула на месте, когда Дев внезапно расхохотался. Наваждение исчезло. Он просто ржал, пополам согнулся от смеха и лупил ладонью по столешнице. Теперь, вопреки его стройной теории всеобщего пофигизма, на них смотрели абсолютно все.

— Ладно, все. Двинули.

По-прежнему постанывая от смеха, он нащупал под столом пакет и неверной походкой двинулся к эскалатору. Арсенике ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Ее не отпускала внутренняя дрожь. Прямо-таки раздвоение личности! Псих какой-то...

Пока спускались вниз, не разговаривали. Дев привел ее на подземную парковку. Выцарапал из кармана связку ключей. На сигнал брелка откликнулся голубой «Спортейдж» с московскими номерами.

Выходит, не врал про долгую поездку...

Поколебавшись, Арсеника все же заползла на переднее сиденье. Автомобиль рывкнул двигателем. Снизу вверх по ногам приятно потянуло теплым. Спину пригревало. Даже чернильный парфюм уже не казался таким невыносимым.

Дев отвлекся, перебирая кнопки магнитолы. Отыскал нужное. Мягкие басы заплескались в салоне, как вода в огромном аквариуме. Искривленный аранжировкой женский голос монотонно твердил одну и ту же фразу. Странно, что не Земфира... Немного угнетающий мотивчик, но в целом — ничего так, стильно.

Зря она назвала его лузером.

— Знаешь, как его найти? Или я должен сам?

Арсеника назвала адрес их с матерью бывшего дома. Ландер жил там, у соседки.

— Э-э... Дев. — Прозвище скрипело на зубах, но она себя заставила.

— Про деньги не парься, банкет за мой счет, — перебил он. — Считай это рождественской распродажей.

— Нет, я вообще не об этом...

Арсеника замялась и подбирала слова все то время, пока выезжали с территории торгового центра. Опомнилась только, когда машина притормозила возле автобусной остановки. Вести ее до дома никто не собирался. Она договорила, пока нарочно долго возилась с ремнем безопасности:

— Я бы хотела, чтобы до того, как... в общем, чтобы он тоже испугался. И чтобы понял, за что его.

— Следи за новостями. — Последним, что она увидела, были его руки в вязаных митенках. — До связи.

— До связи, — эхом отозвалась Арсеника, когда голубой «Спортейдж» уже сорвался с места, обдав тротуар веером грязных брызг.

Она была уверена, что новой встречи не будет.

— Тысячу раз просила — не таскайся ты сюда!

Пустые бутылки раскатились с характерным стуком. Внутри черепной коробки гудел тот же долбаный боулинг.

— Чужая квартира, — бубнила старуха, что-то куда-то переливая. Игни приоткрыл глаза. А, цветы... — Вдруг хозяйка? Или ее дочка за вещами?

— Тогда я прямо здесь сверну ей шею. — Голос прозвучал глухо, как из забитого гроба.

— Хорош, нечего сказать. Ты теперь живой, не забывай об этом. Вот и будь добр, води себя как живой.

Да не придут они. На обеих его присутствие неподалеку действует, словно дихлофос на тараканов. А здесь каждый сантиметр стен еще Нику помнит. Здесь ее книги остались. Несколько платьев в шкафу. Одноглазый плюшевый заяц — тоже ее, наверное. Вот и сам он никак не забудет...

Здесь легче.

— Накурил, надымил... — Ну все, прорвало, обратно теперь не заткнешь. — Домой иди. Иди, говорю. Не дай Бог узнают — всем достанется. И мне — за то, что не уследила.

Встал. Мотает. Спиртное еще не выветрилось.

Игни взял с подоконника банку с остатками воды для полива. Сделал глоток. Вода сразу же запросилась обратно.

— Князев-то как?

— М-м.

В подъезде тащило мертвечиной. Крыса, что ли, сдохла?

Холодная кислятина плескалась возле самого горла.

— Не надо тебе столько пить, — укорял старушечий голос. Игни более-менее ровно дошел до соседской двери. Дальше понял, что прощание с содержимым желудка опять неизбежно. — Совсем ведь непривычный...

Только жалости ему и не хватало.

Рванул в уборную. Ржавые потеки под ободком унитаза он видел чаще всего остального. Каждое утро, а иногда и вечер.

Непривычный. Привыкнет...

Вышел, поплескал в лицо ледяной водой. Не стал вытираться. Дотащился до кухни. Голимая вонь преследовала, словно тадохлая крыса лежала у него в кармане.

— Ешь давай. — Бутерброд и стакан чая. Хоть сразу обратно в сортир. — Нечего рожу кривить. Ешь, а то помрешь! И ради чего тогда твоя Ника пострадала?

Заставил себя проглотить кусок. Вроде бы прижился. Еще бы эта нон-стопом не фонила. Но «эта», как назло, распалялась все сильнее.

— Видела бы она тебя сейчас... — нудела бабка и пестрела у плиты на самой периферии зрения. — Совсем на человека не похож. Люди, знаешь ли, зубы чистят. Моются. Переодеваются. Это — жизнь! А ты как был покойником, так и остался. Мертвым даже краше.

— Ладно, все, хорош... — Сам знал, чего зря-то гонять?

— Ишь, еще и затыкает! — Похоже, авторитетом здесь ему не бывать. — Антон, спрашиваю, как? Освоился?

— Нет. — Чай оказался слишком крепким и приторным. Именно таким, как Игни ненавидел. — Он все еще не может убивать.

— Поговори с ним! У тебя же опыт. Ты справился. Найди слова, объясни, что если он не будет, то вы рано или поздно...

«Сдохнете». Не так уж плохо с учетом того, что оба именно к этому и стремятся.

Дневная душа спивается, ночная просто бездействует. Потому что есть люди, которые на необитаемом острове над трупом почившего товарища будут горевать до собственной кончины, вместо того чтобы отпилить ему руку или ногу, сожрать и продлить таким образом свою незавидную житуху. Гуманисты принципиальные. Вот Игни отпилит бы, а Князев страдает. Шутка в том, что самого при этом гнет, как героинового наркомана в ломке. Игни помнил это по себе, а теперь каждую ночь видел со стороны.

Князев бледнел, страдал, корчился, но не поддавался.

Да еще с ума сходил по своей мертвой красноволосой подружке. Игни видел это тоже, хоть и не жаждал подглядывать.

Сам недалеко ушел.

Отодвинув пустую тарелку, он собрался было по привычке свалить из дома, но Наставник и тут заартачилась. Проворно сдернула с вешалки его куртку и застыла у входной двери последним нестигаемым кордоном.

Ну не бороться же с ней, в самом деле...

— Не пушу, — ехидно заявила бабка, разве что язык не показала. — Топай в душ, переодевайся — все чистое-глаженое в шкафу — и за хлебом. А ты как думал? Само оно, что ли, в холодильник прыгнет?

Послушался, куда деваться. Поплелся в ванную, стянул с себя спортивную куртку и треники, комом швырнул на пол, избегая смотреть в зеркало.

Вода из душа сочилась жалкими струйками. Рыжеватая вонючая дрянь.

Игни подставил спину чуть теплой жидкости. Казалось, что кто-то водит по телу руками.

Сомнительное удовольствие, но мир вокруг стал слегка красочней.

Нужно где-то раздобыть денег. Герой, нечего сказать. Живет даром, еще и жрет на бабкину пенсию.

Он обернул полотенце вокруг бедер и вышел, распространяя вокруг себя запах хозяйственного мыла. Хотя бы недохлых крыс.

Побриться бы еще. А вообще пофигу.

Обещанное «чистое-глаженое» обнаружилось на верхней полке. Ветхая клетчатая рубаша, бывший владелец которой с огромной долей вероятности давным-давно покоем на земле, и собственные джинсы Игни. Остальные вещи он посеял вместе с князевскими после того, как тот упал с моста. Сначала было *пока не до того*, потом стало *уже*.

Из всего, что ему принадлежало, остался только он сам.

— Ну, совсем ведь другое дело, — отчего-то недовольным тоном проговорила Наставник, когда он снова нарисовался на пороге кухни. Порывшись в кармане передника, бабка извлекла оттуда несколько мятых сотенных купюр и сунула их Игни. Именно это было для него самым сложным. Протянуть руку в ответ. — Список на столе. — Она кивнула на тетрадный листок, перечень покупок в несколько строчек крупных стариковских каракуль. — И чтоб никакого мне пива. Я посчитала. Не получится.

— Сигареты закончились.

— Я тебе только вчера пачку купила. Жрешь ты их, что ли?

И уставилась взглядом человека-рентгена. Игни наспех слепил физиономию почестнее. Кажется, это ему еще удавалось. Знала бы она, какой у него в башке перезвон с перебором...

Повелась. Добавила бумажку сверх нормы.

Нужно что-то делать с деньгами, в который раз подумал он отстраненно и скорее для очистки совести. Мотоцикл, что ли, загнать?

— Снова напьешься — можешь вообще не возвращаться! — Это уже на выходе.

Не больно-то и хотелось.

Шел, мерз, загребал ботинками снежную кашу. Видел все то, что когда-то видела Ника. Этим же путем она ходила каждый день. Нравилось ли ей здесь? Вряд ли. Нечему нравиться. Серые пятиэтажки, тротуар в выбоинах. Гаражные «ракушки» с горами мусора между ними. Ржавый остов автохлама, вросший в обочину. Здесь время остановилось.

Ближайший продуктовый — через двор, в полуподвале. Ника, наверное, о нем и не знала. Вонючая круглосуточная «капельница» со своими постоянными клиентами. Правда, он и сам сейчас не многим от них отличался.

Взял хлеб и два пакета молока, сухари еще какие-то. Вместо указанной в списке «колбасы докторской» попросил две банки пива и пачку сигарет. Плевать, наврет, что была несвежая.

Не вытерпел. Прямо здесь же поддел пальцем алюминиевое кольцо, выдернул рывком, как чеку из гранаты. Первый плоток — через отвращение. Знал, что надо. Это было то небольшое, что он накрепко усвоил из науки быть живым.

— Эй, алкашня малолетняя! — Жадно припав губами к банке, Игни не сразу понял, что причиной негодования продавщицы был именно он. — Проваливай давай. Ни стыда, ни совести...

— Клиент всегда прав, — буркнул Игни, пинком распахивая дверь. Вслед понеслось возмущенное кудахтанье, но он уже не вникал.

Вышел на свежий воздух, сел на низкую ограду прямо возле магазина и залпом допил оставшееся. Закурил, уставился в небо.

Насчет малолетнего — это она загнула.

Вчера ему исполнилось девятнадцать.

Вот почему накануне вечером он тайком взял у бабки ключи от соседской квартиры. Сделал вид, что уходит, оделся, спустился вниз, перегнал мотоцикл в соседний двор, а сам потихоньку вернулся и отпер крашеную в коричневый дверь.

Здесь все еще витал тот самый запах, как когда он пришел впервые. В каждом доме они свои.

Свет включать не стал. В Никиной спальне на ощупь добрался до дивана. Сел, извлек из внутреннего кармана куртки бутылку крепкого спиртного.

День рождения... Формально — не его. В этот самый день Антон Ландер стал второй душой Антона Князева. А девятнадцать лет спустя они поменялись местами. Живой — с неживым, хотя кто есть кто — до сих пор не разобрать. А впрочем, фигня-вопрос.

Оба они мертвые.

И Шанна — мертвая. И Ника. Все.

Ее комната, вон, тоже тоскует. Пылища везде. Ящики выдвинуты, книги валяются. Альбом с фотографиями. Не стал смотреть. Растеребит только.

...Ник, а знаешь, я ведь так и не смог к ней привыкнуть. К жизни. Как был неживым, так

и остался. Ник, я и жить-то не умею. Некогда было учиться. Я у тебя хотел, вместе с тобой, а ты... Умерла.

Уже девятнадцать.

Я как будто сразу взрослым родился. Не было, не было — и вот. И что-то надо делать, там, я не знаю... Жить... а я утром открываю глаза и с ужасом понимаю, что наступил еще один день. Придумываю себе дела. Ну, встал, а дальше? Люди ведь что-то делают. Я этого не знаю. Не помню. Бабка шпыняет — рожу умой, жри давай... а я просто забываю, и некому подсказать.

Весь мой смысл — следить за *этой тварью*.

Ник, ты не бойся, она тут за тебя не будет. Я потом решу... я все сделаю, точно.

Пропишу ее на изнанку, обещал ведь. А потом и сам туда же. Прямо сразу. Ты только дожись меня, ладно? Я скоро...

За горло как будто держит кто-то. Вот здесь, сверху. И не рукой, а лапой. Дрянь эта жгучая не помогает. Глотаю, дерет изнутри, и только хуже.

Темно, глаза щиплет. Скоро вырублюсь, одна тут останешься.

Ник, ты это... Не смотри на меня так. Я нормально. Даже встать могу, вот, видишь? А, нет. Не могу.

Как хорошо, что ты меня таким не знаешь...

Голоса он слышал с порога. Прежде чем узнал второй, гости, успел порадоваться тому, что Наставник слишком занята и не заметит его колбасных махинаций. Позже вообще забудет или решит, что колбаса была, но сожрали.

Потом понял, с кем беседует бабка. Догадался и сам себе не поверил. Вломился в кухню, как был, в обуви и верхней одежде.

На него смотрели обе. Наставник. И Шанна.

Шанна глядела так, словно сомневалась в его подлинности. Равно как и он — в ее. Встала, подошла ближе. Искра узнавания во взгляде. Улыбнулась неуверенно и все-таки обняла.

Кусочек прежней жизни. Точнее, смерти.

Одной рукой он гладил ее по спине, а во второй по-прежнему сжимал пакет из супермаркета.

— Ты как здесь? — Самый дурацкий вопрос из всех возможных.

— Через Полупуть. — Огненно-красная макушка шевельнулась, короткие волоски защекотали подбородок. — Следовала за Любовью Петровной, а то мало ли, где ты...

— Правильно.

Наконец-то расцепились. Шанна вернулась на место, обхватила ладонями чашку и держалась за нее так, будто посуда могла от чего-то ее уберечь.

— Вот, выбралась, как только получилось.

Игни жадно всматривался в по-мальчишечьи заносчивое лицо. Знакомое оттуда, из того мира, где еще была Ника. И сам он был на своем месте.

— Я уже начала рассказывать, пока мы тебя ждали, — Шанна переглянулась с Наставником. Та мелко затрясла головой, закивала, расправляя складки на неизменном фартуке. — Короче, ты же в курсе, *кто* я теперь?

Догадывался. К этому все и шло. С тех самых пор как красноволосая ушла на изнанку города вместе со своей inferнальной бабулей.

Коровья Смерть. Вступила, выходит дело, в наследство.

— Моей бабушки больше нет, — своими словами Шанна подтвердила то, о чем подумал Игни. — Но она не просто так *была, и не стало*. Она... Принесла Себя в Жертву.

Именно так. Четыре пафосных заглавных буквы. Игни мысленно хмыкнул. Слово *жертва* никак не вязалось с той жуткой старушенцией. Разве что кого-то другого приговорить. Смерть — умерла. Тавтология получается.

— Принесла себя в жертву Мосту.

И замолчала, словно ждала вопросов. Притихшая Наставник при этом удивленной не выглядела.

От слова «мост» до сих пор в левой стороне груди поджимало.

— Э-э... Будущих Мертвецов?

— Ну, не Канавинскому же! — вспыхнула Шанна. Имела право — собеседник очевидно тупил. — Да, тому самому, по которому вы с Ни... То есть, ты вернулся на лицевую сторону. Понимаешь, для того чтобы по нему пройти — кому-то, кроме меня и бабушки, — нужно, чтобы кто-то третий очень сильно этого пожелал. Настолько, что согласился бы отдать за это свою жизнь. В тот момент, когда она открыла вам Мост, он забрал ее. Забрал в обмен на вас, понимаешь?

— Угу. И нафига ей это понадобилось?

— Ну, уж точно не ради вашей с Никой светлой и чистой любви. Она передала мне свой дар и мечтала уйти. Думаешь, вечная жизнь — это так легко и приятно?

Интересно, конечно, но совершенно непонятно, к чему она клонит. Как там положено в таких случаях? «Светлая память»? «Покойся с миром»? И ради этого она сюда прискакала?

— Не догоняешь, — проницательно констатировала Шанна. Игни слегка пожал плечами в знак согласия. — Успела отвыкнуть от твоей заторможенности, — не удержалась и съязвила она. — Слушай и вникай. Я могу это повторить. Повторить, говорю! Страдающие от приступов внезапной глухоты читают по губам: *я могу снова протащить сюда Нику*.

Наставник жутко ругалась, когда он курил в квартире, но сейчас явно был исключительный случай.

Пальцы мелко подрагивали. Игни усилием воли затолкал эмоции в глубь себя и вытащил на поверхность последние слова Шанны. Не просто же так она болтала.

— И тогда умрешь ты. — Наконец-то, хоть что-то путное из себя выжал.

— Да. Но мне, сам понимаешь, не хотелось бы.

— А жертва любая сгодится? А то есть тут у меня одна на примете, — хмуро сообщил Игни, стряхивая пепел прямо себе под ноги.

— Если бы! Только добровольная. — Шанна развернула карамельку, кинула за щеку. Выдержала паузу, интриганка мелкая. — И она у нас будет.

Типа, все сказала, дальше сам докручивай.

Напрасно надеялась. Не докручивательное у него сегодня настроение.

Замершая возле окна Наставник шевельнулась, оставила наконец в покое подол своего передника и проскрипела:

— Я сама предложила.

Наверное, он должен был как-то отреагировать. Ахнуть, там, охнуть. Запротестовать, переубедить. Или как-нибудь еще выразить свое сожаление, негодование, испуг.

Но выражать было нечего.

Бревно бесчувственное.

Они обе это поняли и в дальнейшем обращались только друг к другу, словно Игни только что встал и вышел.

— Я хочу, чтобы ты была рядом, когда я это сделаю, — говорила Наставник. Тихо, виновато. Можно подумать, о большом одолжении просила. — Одной страшно, боюсь в последний момент передумать.

— Само собой, — заверила Шанна. Нарочно, что ли, таким деловитым тоном разговаривала? Словно прикидывала покупку нового дивана. — Только нужно поторопиться. Это очень хорошая жертва — живая кровь. Мы легко пройдем. Легче, чем вот он, — и стрельнула глазами в Игни. — А ему... — Еще один взгляд. Вообще-то, могла бы обращаться напрямую, раз его это тоже касается. — Нужно будет решить одну проблему.

— Какую именно? — не выдержал Игни.

— Та девушка. — Упрямая Шанна так к нему и не повернулась. — Как она себя называет? Арсеника?

При звуке этого имени кулаки сжались сами собой.

— На лицевой стороне города ее быть не должно.

Кажется, Игни наконец-то начинал врубаться.

Если Ника вернется с изнанки и застанет здесь свою ожившую вторую душу, лицо города воспримет это как нарушение Порядка. Человек не может существовать в двойном экземпляре, если так не было задумано природой.

Проще говоря, две Ники — это уже перебор.

А значит, Хаос.

— Хаос, — повторил он вслух. — Напомни, что там Ариман загонял по этому поводу?

Очередное имя из прошлого. Одно за другим они возвращались в его жизнь. Как знать, может, в таком случае, сам он тоже рано или поздно вернется?

— Эх, ты, конвоир Ландер, — необидно укорила Шанна. Услышать подзабытое обращение оказалось неожиданно приятно. — Такие вещи нужно знать накрепко, как «Отче наш». Живые начнут видеть мертвых...

— И сами захотят стать мертвыми, — закончил он, чтобы хоть как-то реабилитироваться.

Впрочем, прямого отношения к делу это не имело.

Видимо, Шанна тоже так считала.

— Твоя задача в том, чтобы... э-э... уладить вопрос до того, как Ника окажется в городе. И тут тебе не обойтись без...

— Топора, — с потолка предположил Игни и наткнулся на ее удивленный взгляд.

— Мысли, что ли, читаешь?

Вслед за этим Шанна выложила на стол маленький плоский ключ.

— Я не знала, куда спрятать, чтобы никто случайно не нашел. А потом вспомнила про особняк, в котором мы с Тохой ночевали. Там есть старый письменный стол с тремя ящиками. То, что тебе нужно, — в нижнем. Из арсенала Предела Порядка, — добавила она с нажимом.

Да понял он. Главное, чтобы не лук со стрелами или еще какая-нибудь лабуда. В Пределе такое любят.

— Чего так сложно-то? Прямо сюда бы и тащила.

— Не надо сюда, — жалобно выдохнула Наставник. — Пожалуйста, не надо.

Шанна понизила голос.

— Я сначала тебе отдать собиралась, но Любовь Петровна запретила приносить в свой дом оружие. У нее сын в восемь лет случайно из отцовского ружья застрелился. — И добавила уже с обычной громкостью: — Но ты же справишься?

Игни кивнул. Вечером *эта тварь* попрется в клуб. Расписание ее жизни он изучил до мелочей. Осечки быть не должно.

— Только времени у нас — фиг да маленько, — призналась Шанна и посмотрела прямо на Наставника, от которой многое теперь зависело. Сам он на месте бабки уже задергался бы и пошел на попятную, но та хранила стоическое молчание.

— Сколько? — спросил за нее Игни.

— Сутки. Боюсь, Нике недолго оставаться на изнанке. Потом она уйдет... Дальше.

Вверх по течению реки, додумал Игни. Или вниз, черт его упомнит. Короче, дорога в один конец, точка полного невозврата, когда за спиной у тебя крылья, а на руках — аусвайс в вечность.

— Сейчас мне придется вернуться на изнанку, — резко засобиравшись Шанна. — Буду вечером. Скажем, в девять. Успеешь?

— Не-а. Без вариантов, — хмуро ответил он, параллельно прогоняя в уме распорядок дня окончательно приговоренной *твари*. — Только завтра. Рано утром. После дискотеки выцеплю.

— Плохо. Надо быстрее. Что, совсем никак?

— Я, блин, вообще-то, не за картошкой собираюсь! — взорвался Игни, но тут же взял себя в руки и договорил почти спокойно: — Я подумаю. Ночью Князев...

Только сейчас он заметил, что они с Шанной остались наедине. Наставник удалилась в спальню. Судя по доносившимся оттуда всхлипам, рыдала.

Новоявленная Коровья Смерть тоже кривила губы и некрасиво морщилась — единственная эмоция, которая действительно ее портила.

— Игни?

— Оу? — откликнулся он несерьезно, чтобы немного разрядить обстановку. Попытка не засчиталась.

— Как он там?

— Поддыхает, — не счел нужным смягчать. — Ждет тебя. Ты бы, может, навестила...

— Будет только хуже.

Отвернулась. Что-то там с лица тайком смахнула. И растворилась в Полупути.

Вот и поговорили.

Он собирался отправиться в старый особняк сразу же, не дожидаясь вечера. Пешком, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. А мотоцикл в феврале — это оно самое.

Почти собрался. Дома царила особенная тишина, не имеющая ничего общего с отсутствием звуков. Скорее, с отсутствием надежды.

Здесь смертью уже пахло. И хотя Игни не задавал этот вопрос, нет-нет, да и проскакивало в мыслях: каким способом она это сделает? Вербка? Лезвие? Таблетки какие-нибудь? Таблеток — целый шкаф. Меню из трех блюд: завтрак, обед и ужин.

Сам бы он, наверное, вздернулся — быстро, надежно. А от этих «медикаментов» только блевотина и пролонгация процесса.

Пролонгация. Процесса. Прид-дурок...

На то, чтобы свалить, минуты не хватило. Наставник тормознула на пороге.

Сбросил ботинки. Вернулся. А как же, ведь последние желания приговоренных — его конек. Лайф, чтоб его, долбаный стайл, сам назначал наказание и сам же психотерапил перед тем, как навести концы. Убийца, с которым напоследок можно выпить, переспать и потрепаться о смысле жизни. Не палач, а мечта.

Практически безотказный. Говорить «нет» так и не научился.

Вообще-то, по-хорошему, сам должен был остаться. И если не благодарностями сыпать, то хотя бы видимость создавать. Человек, как-никак, жизнь свою отдает. *Жертвует*. Сложно, что ли, проститься по-человечески?

Однако желание слиться куда-нибудь, неважно, куда, лишь бы подальше отсюда, загородило собой даже эти жалкие попытки Игни воззвать к собственной совести.

Он снова закурил в кухне. И снова это осталось без внимания.

— Что, так и не скажешь?

Ее неоформленный, наскоро слепленный вопрос был тем не менее понят.

— С-спасибо, — процедил Игни в промежутке между затяжками.

Наставник глядела прямо перед собой, склонив к плечу маленькую голову в бирюзовом платке.

— Сильно же я в этой жизни нагрешила, раз в последние собеседники мне достался ты...

Игни не перечил. Слушал и помалкивал, чем только подтверждал вышесказанное.

— Все документы у соседей. Розовая папка — в комнате Ники, после всего найдете. Эту квартиру я переписала на нее.

Полусгнившая однушка в аварийном бараке. Черные пятна плесени на потолке, шелуха обоев, ржавые нарывы повсюду, куда ни глянь. Однако Игни хорошо знал цену даже такой ветхой крыше над головой.

— Спасибо, — повторил он. Забавно, но подаренная жилплощадь впечатлила его гораздо сильнее, чем подаренная жизнь.

— Это еще не все.

Ха-ха. Сейчас скажет, что на ее счету в швейцарском банке лежат миллионы, и она тоже завещала их Нике.

— Там есть листок с адресом. Дом-интернат для умственно отсталых детей при женской обители милосердия.

А вот это уже называется наследством с обременением...

— Девочку зовут Миленочка Корш. Скажете, что от меня, вас познакомят. Не бросайте ее. У нее — вторая душа. Научи ее выживать... Они обе сейчас потерянные... Не понимают, не умеют... Сложно. И ты знаешь, почему.

По многим причинам.

Игни вытянул из пачки очередную сигарету. С тоской подумал о непечатой банке пива, которая так и осталась во внутреннем кармане куртки.

Если серьезно не впариваться в терминологию, то манифестация второй души происходит в четырнадцать. До этого она почти не проявляет себя. Ну, как не проявляет... Можно встать во сне, походить по комнате. Даже выйти куда-нибудь. По крыше полазать, кошек распугать. По карнизу босиком туда-сюда. Но все это будешь делать ты. А вот после — уже она. Автономно-телесная. Пугающе похожая на тебя внешне. За это время она должна была приобрести знания — твои знания, и навыки — тоже твои — необходимые для самостоятельной жизни. Пусть даже только по ночам. Как минимум — добывать себе еду,

критически мыслить и не отсвечивать в социуме, который крайне нетолерантен к шляющим по ночам подросткам.

С учетом того, что к своим четырнадцати годам Милена Корш, скорее всего, не слишком-то продвинулась в вышеозначенном, ее «ночная» должна была из ряда вон плохо справляться с обязанностями. На грани фола.

Подфартило, короче, с наследством...

— Пообещай, что приедешь к ней вместе с Никой, — продолжала громоздить проблемы старуха. — Даже если сразу не получится. Все равно приезжайте. Она хорошая девочка. Кроме вас ей никто не поможет...

Ну, конечно, а они-то с Никой — психиатры дипломированные...

Он снова начинал думать о ней, как о живой. Это хорошо.

Ника еще не вернулась с изнанки, а уже приобрела хомут, заботливо подготовленный и упакованный бабкиной рукой. Это плохо.

Игни в любом случае будет рядом. Это факт.

— Не уходи, — жалобно попросила Наставник, когда он в очередной раз предпринял попытку выбраться с прокуренной им же кухни, чтобы глотнуть кислорода на улице.

— Оружие бы забрать...

— Потом. Когда Шанна вернется. У тебя будет время. Останься.

Безотказность. Нужно что-то с этим делать...

Игни вернулся из прихожей с вожделенной тарой в руках. Нагрелось, теплое. Ждать, пока охладится, тоже не хотелось. Не успел он заземлиться на табуретку, Наставник брякнула перед носом бутылку с мутной жидкостью и два стакана.

Тоже верно. Обоим не повредит.

Сперва молчали и пили, не чокаясь, как на поминках. Вместо того чтобы снять с груди ощущение бетонной плиты, спиртное подействовало в обратную сторону. Еще немного, и расплющило бы нафиг.

Но сегодня нельзя. Сегодня Ника возвращается. Нельзя.

Наставник следила тоже, и в нужный момент бутыль вновь скрылась в недрах кухонного буфета.

— Расскажи мне, как там? На изнанке города?

— Нормально, — Игни задумался, тщетно пытаясь подобрать достаточно образные метафоры безысходности, пустоты и *оконченности* всего того, что влекла за собою смерть. Не получилось. Плюнул. И повторил: — Нормально.

— И то ладно.

За оставшееся время она не проронила ни слова. Сортировала книги и ветхие тетради, рассыпающие по полу пожелтевшие листки с рецептами, газетные вырезки и неразборчивые заметки. Достала аптечку. Дальноторко шурилась и отводила руку, чтобы разобрать названия и даты на давным-давно просроченных лекарствах. Иногда прибегала к помощи Игни, но чаще справлялась сама и складывала уже отобранное в одну стекляннo-бумажную суицидальную пирамиду.

Насчет способа он не ошибся.

Шанна прибыла точно в обещанный срок. Под оранжевым абажуром с облeзлой бахромой уже горела желтушная лампа. Дешевый пластиковый будильник в виде петушка отсчитывал последние десятки минут бабкиной жизни. Под потолком клубился табачный дым, а Игни дремал в углу, привалившись спиной к стене.

Шанна вышла из Полупути прямо между окном и плитой — точность и профессионализм — и положила ладонь на его плечо.

Игни открыл глаза, но так до конца и не проснулся.

— Уходи.

От курева пересохло во рту и в горле саднило, но он не посмел задержаться, чтобы глотнуть воды. Послушно встал, по пути в прихожую растер ладонями плечи. Пахло отчего-то сырниками, хотя вряд ли Наставник решила сварганить пару десятков за полчаса до своего самоубийства.

И сразу же захотелось жрать.

Еще и мотало сильнее, чем он рассчитывал. Погорячился, похоже, с количеством выпитого.

Доедет...

Он повесил на локоть шлем, но прежде чем спуститься к стоянке, на пару минут заскочил в соседнюю квартиру. Розовая папка Наставника, как и было обещано, ждала на столе. Он взял ее, не глядя, свернул в трубочку и уже на улице кинул в один из мотокофров. Побродил вокруг, рассеянно осматривая байк. С первых заморозков собирался ошиповать покрышки, но руки так и не дошли. Да и денег... Только давление в шинах сбросил — все, на что ума хватило.

Снега, правда, нет почти. Так, мешанина грязи пополам с реагентом.

Доедет.

Прежде чем покинуть двор, Игни заставил себя взглянуть на окна квартиры Наставника. Света не было. Сидят, наверное, в темноте, о вечном беседуют. До тех пор пока она еще может говорить.

Он попетлял дворами, то набирая скорость, то притормаживая. Проверял сцепление с дорогой, заодно проветривал голову. Один черт, в сон срубает. Ладно, недалеко.

Совсем скоро он ее увидит. Нику. Рядом будет. Теперь уже точно.

О том, что должно произойти перед этим, Игни старался пока что не думать. Сам же хотел ту, вторую, обнулить. Ну и чего теперь-то самокопаться?

Сначала в клуб. Убедиться, что *эта тварь* добралась до места назначения. Потом в особняк. Забрать пистолет или что там подогнала с изнанки Шаннка, вздремнуть пару-тройку часов, переждать явление Князева. Найти подходящее место — было на примете одно такое. Между остановкой и подъездом *твари*. На такси она не поедет, дождется первой маршрутки. От остановки поднимется по длинной лестнице и пойдет дальше, мимо оврага, за которым — котлован с вколоченными сваями. Никакой строительной техники, разумеется. Она свернет. Он тоже. Даже если она заорет, никто не услышит. Затащить на заброшенную стройку, пристрелить, столкнуть в щель под плитами — вопрос десяти минут. Внизу вода. Незамерзающая жижа гнойного цвета. Когда еще найдут — и что к тому времени от нее останется?

Игни мысленно проговаривал каждый шаг, это помогало удерживать глаза открытыми. На светофоры уже не отвлекался. Пару раз ему сигналили. Плевать.

«Нужно было облегчить моц», — фоном подумал он, чувствуя, как тяжело дается торможение его неподготовленному транспорту. Даже пустые кофры — лишний вес, и зеркалами можно было бы пожертвовать. А так быстрее раздолбает, чем продаст...

Котлован, напомнил себе Игни. Котлован. Он почти видел эту яму с угрожающе накренившимся на краю вагончиком-бытовкой, брошенными на дне лопатами и чаном с

застывшим бетоном. Идеальный последний приют для таких, как *эта тварь*.

Идеальная могила.

Он снова проскочил на красный. Дорога была пуста. На очередном перекрестке, когда до цели оставалась всего пара поворотов, Игни заметил ржавую пассажирскую дверь некогда серой «Волги».

Там, где ее не должно было быть.

Он понял, что не успеет разминуться.

И он не успел.

Когда на кухне задребезжал мобильный матери, Арсеника с трудом разлепила веки и глянула на часы. Половина пятого. До чего душно... Одеяло слишком жаркое, подушка — неудобная. Ни утро, ни ночь. Нужно уснуть обратно...

Телефон не унимался. Наконец мать услышала тоже. Прошаркала тапочками по коридору и ответила. Говорила долго. Бормотала, бормотала — ни слова не разобрать. И кому в такую рань-то понадобилось?

Дверь приоткрылась. Арсеника подняла голову, отвела с лица налипшие волосы.

— Мам, что там?

— Беда.

Мать прошла в комнату и тяжело опустилась в кресло. Она по-прежнему сжимала в руках телефон. Даже в сумерках было видно, что цвет ее лица слился с воротом белой пижамы. За десяток минут она словно потеряла несколько лет жизни.

— Наша старая квартира сгорела.

Тут уже и Арсеника не выдержала. Рывком села в кровати, спустила босые ноги на пол.

— Как? Когда?

— Ночью. Точно пока не знаю, говорят, газовый баллон взорвался. Вся мебель, что оставалась... Да и Бог бы с ней, с мебелью. Вер, бабушка Люба... Умерла.

Арсеника охнула. Спрятала лицо в ладонях, чтобы скрыть сухие глаза.

Соседка. Та самая, у которой после возвращения с изнанки города прижился Ландер.

Но где же тогда он сам?

— Больше никого не нашли? — поинтересовалась она осторожно.

— Нет, — отрезала мать. Поняла, точно ведь поняла, кого именно касался вопрос. В последнее время она даже по фамилии его не называла. Арсенику это вполне устраивало.

На самом деле, ей тоже было страшно, но не от того, что в старом доме погиб случайный человек. Даже не оттого, что чертов Ландер, похоже, избежал своей участи.

Дев все-таки это сделал. По-настоящему. Вот так, значит. Пожар.

Или совпадение? Старый дом, взрыв газа — всякое может быть.

— Ладно, дочь. Будем держаться.

Посидев еще немного, мать погладила ее по плечу, чего не делала уже давно. Подняла соскользнувшее на пол одеяло, снова застыла, словно забыв, что собиралась уходить. Потом вдруг вспомнила и направилась к двери.

— Ты постарайся еще поспать. А я туда поеду. Бедная бабушка Люба, бросили мы ее совсем одну... — Это уже из коридора, под аккомпанемент все тех же шаркающих шагов.

Арсеника вернулась в постель. Подтянула колени к груди, свернулась клубком под одеялом и закрыла глаза.

Интересно, куда подевался Ландер? Тем более ночью, когда по всем статьям ему положено было смирно лежать в своем саркофаге и видеть сладкие сны про вторую душу.

И знает ли Дев о том, что обломался?

Стоило ей только задремать, как в голове начиналась рваная маета и мелькание бессвязных картинок — ни сюжета, ни смысла, ни логики, одна только муторность и пульсация крови в висках. Арсеника ерзала, ворочалась, просыпалась, пыталась заснуть глубже, но мельтешащая дрянь возвращалась и снова прокручивалась с того момента, на

котором была прервана ее телодвижениями.

Лицо, которое хотелось забыть. Слишком длинный нос, слишком крупный рот, слишком густые брови. Родинка на переносице, чуть сбоку — только сейчас вспомнилось. Рваная челка, падающая на глаза. Он пропитал ее мысли подобно тому, как кровь пропитывает чистый бинт. Она сама вписала его в свою историю и расплачивалась теперь хороводами тяжелых, обрывочных сновидений, где были его красные кеды, пластиковые часы с пестрым циферблатом, клоунские ужимки и этот неровный осколок имени — Дев — который отчего-то хотелось расшифровать, объяснить себе, сделать понятным.

Пожар вспоминался тоже, но не картинкой, а ощущением, и в глубине, отдельно от всего остального.

Промучавшись около часа — Арсеника слышала и то, как мать готовит себе завтрак перед тем, как уйти, и тиканье часов из-за стены, и далекий вой сигнализации, и хлопок входной двери — она выбралась из постели совершенно опустошенной. Достала из шкафа бесформенную вязаную кофту и завернулась в нее, но тепла все равно не почувствовала. Затем налила себе кофе, положила смартфон на стол рядом с чашкой и посматривала в его сторону всякий раз, как делала глоток.

Тишина.

Арсеника встала, открыла и закрыла холодильник. Опять покосилась на телефон.

Где же Ландер?

Кофе подошел к концу одновременно с терпением. Пальцы сами заскользили по экрану.

Еще не дождавшись ответа, Арсеника точно знала, каким он будет. Не слова, а настроение, голос, тон. И когда она успела так его изучить?

Не Ландера. Дева.

На этот раз «контакт Вика» медлил. Точно, времени-то сейчас...

— Да, — ответил он хрипло и глухо, как в подушку.

— Надо поговорить, — сама она шептала от волнения.

— Говори.

— Не по телефону же.

Буркнул что-то неразборчивое. Арсеника переспросила. Повторил громче. Оказывается, назвал адрес.

Ну вот, снова колотит. Неужели так теперь будет перед каждой встречей? Или привыкнет?

Незачем к нему привыкать.

Дев появился на пороге босиком, в одних только спортивных штанах и с зубной щеткой за щекой. Кивком пригласил войти, а сам скрылся в ванной. Арсеника проглотила ком в горле и начала разматывать шарф.

Свои замшевые сапожки она аккуратно поставила рядом с его кедами, нос к носу.

Насколько удалось разглядеть из прихожей, всего одна жилая комната. Обиталище из серии «сдам на сутки, часы».

Под бодрый плеск воды Арсеника прошла в кухню. Минимум обстановки — стол, два стула, плита и несколько шкафов. Грязные тарелки в раковине. Пепельница, пачка сигарет. Пока осматривалась — пришел. Все такой же по-утреннему несобранный с влажными, гладко зачесанными назад волосами.

— Кофе будешь?

Она кивнула. Дев не увидел, но принял молчание за согласие. Закурил и с сигаретой в зубах принялся колдовать у плиты. Чтобы гостя не скучала, без звука включил телевизор.

Шли местные новости. На экране мелькнули знакомые дебри. Чтобы узнать двор, Арсенике хватило и полуминутного видео. Чужая память на сей раз сработала куда охотнее. Вот, значит, в какой дыре она жила раньше... Дом-суицид. И хорошо, что на изнанке города стало одним адресом больше.

— Дев, послушай... — Чем чаще она повторяла его прозвище — не мысленно, а вслух, — тем легче оно ей давалось. — Это ведь ты сделал?

Он мельком глянул на экран и снова отвернулся.

— Ну.

— Только Ландера там не было. И женщина какая-то погибла.

Перед Арсеникой появилась потрескавшаяся от времени хозяйская кружка, но увиденное на экране отбило всякое желание что-то в себя заливать. В желудок словно камней набили.

— Знаю. — Дев уселся напротив. Закинул ногу на ногу, раздавил в пепельнице окуроч. Арсеника сама не заметила, когда ее перестала раздражать его манера тянуть гласные. — Ты ведь хотела, чтобы он чего-то там осознал перед смертью.

— Ну, в общем...

— А та бабка... Она уже мертвая была. Я проверил. Я ее не убивал. Seriously.

— То есть... Ты вошел, увидел труп, потрогал его и все равно открыл газ?

— Типа того.

Арсеника молчала и пыталась поверить.

— Давай, посуду вымой, — неожиданно скомандовал он. — И приходи. Ты ведь за этим сюда приехала, а не про Игни трепаться, — пояснил он в ответ на ее ошарашенный взгляд.

Пока Арсеника мучительно придумывала достаточно хлесткую реплику, выслушивать ее стало некому. Из соседней комнаты понеслись выкрики и механические вопли гибнущих противников. Дев врубил видеоприставку.

Она потихоньку вытянула из пачки сигарету. Прикурила, набрала в рот дым и сразу же выдохнула. Вот же мерзость, как можно так над собой издеваться?

Тщедушный мальчик-Земфира не походил на парня ее мечты даже в первом приближении.

Пополоскав под краном свою чашку, остальное она так и оставила нетронутым. Бесшумно ступая, вышла в прихожую, потихоньку обулась и надела куртку.

Входная дверь оказалась заперта. Ключей нигде не было.

Пришлось заглянуть в комнату.

Здесь царил все тот же минимализм, подозрительно схожий с нищетой. Одну стену занимал огромный плазменный экран. Вместо кровати на голом паркетном полу лежал надувной матрас. И ничего, напоминающего мебель.

На подоконнике в специальной подставке дымились, распространяя сладковатую вонь, несколько сандаловых палочек.

— Падай. — Дев похлопал ладонью по полу рядом с собой и протянул ей вторую игровую консоль.

— Я ухожу. Открой, пожалуйста, дверь.

Ухмыльнулся. Кивнул на телевизор.

— Обыграешь меня — выпущу.

Арсеника решила, что он шутит. У нее по-любому не было шансов. Она неуверенно опустилась на колени и уставилась на разноцветные кнопки.

— Ты справа, — объяснял он, накрыв ее пальцы своими. Его дыхание пахло зубной пастой. — Шаг. Вот так — назад. В сторону. Да не дергайся ты, на экран смотри. Прыжок. Удар. Все просто!

Ее персонажем была блондинка в жилете и кожаных брюках. Дев — закованный в броню полуробот.

— Знаешь, чем мне нравится Сайракс?

Арсеника лихорадочно давила на все кнопки подряд и была слишком этим поглощена, чтобы вникать в смысл его слов.

— Его мировоззрение — невольное зло. Он был так предан клану, что согласился стать киборгом, но при этом утратил человечность. Потерял душу и свободу воли. Идеальная машина для убийства, забывшая о том, кем была раньше.

Игровую проекцию Арсеники накрыла светящаяся сеть. Удар противника вышиб из нее фонтан крови. Комбо и подсечка. Он не давал ей пошевелиться.

— Ты только зацени формулировку, — продолжал мурлыкать Дев. — *Невольное зло*. Я тоже невольное зло... я тоже забыл, каким был раньше. — Нараставшая в его голосе злоба прорвалась внезапным выкриком: — Меня заставили забыть! Как думаешь, кто? Твой чертов говнюк. Игни! — Он стиснул зубы так, что скулы побелели, в глазах плескалась ярость. Нет, не ярость. Дикость.

Арсеника застыла, напуганная такой внезапной переменой, и даже шорохом боялась напомнить о себе.

— Пять с половиной часов, — заговорил он обманчиво-спокойным тоном, готовый вот-вот снова сорваться на крик. — Объем среднего гроба — восемьсот восемьдесят пять литров. Пятую часть полезного объема составляет кислород — это сто шестьдесят четыре литра. Взрослый тратит пол-литра кислорода в минуту. И задохнется спустя пять с половиной часов. Я был ребенком. Я пролежал там восемь.

Арсеника бесшумно опустила на пол игровую консоль и сменила позу. Ноги затекли. В горле першило от сандалового дыма.

Дев смотрел прямо перед собой. В никуда.

— Я так ждал его. Ждал Игни. *Но он так и не пришел...*

— Ты поэтому лифтов боишься?

Он вздрогнул. Уставился на нее остекленевшим взглядом так, словно рассчитывал услышать какие-то слова, но она не знала, что тут можно сказать, поэтому пробормотала:

— Мне надо идти. — И по привычке поискала взглядом часы.

— Ты *никуда* не пойдешь.

Хлесткая, с оттяжкой пощечина застала ее врасплох.

Слезы брызнули сами. Голова взорвалась болью, рот наполнился слюной с соленым привкусом.

Дев отшатнулся так, словно это она ему врезала. Привалился плечом к стене, отвернулся, задыхал тяжело и часто.

Арсеника прижала ладонь к пылающей скуле. Прямо под кожей, там, куда пришелся удар, горячо пульсировала кровь.

Никто никогда не поднимал на нее руку.

— Прости.

— Псих ненормальный, — невнятно проговорила она и осторожно потрогала кончиком языка передний зуб. — Больной ублюдок, чертов лузер!

— Да.

— Тебе нужна помощь психиатра. — В голосе плескалась плохо сдерживаемая истерика.

— Да, да.

Нельзя показывать страх, мысленно твердила она. Нельзя вести себя как жертва. Нельзя.

Пусть только попробует повторить!

— Выпусти. Меня. Отсюда.

Слова звучали в такт биению боли под прижатыми к скуле пальцами.

Дев вынул из кармана ключи, протянул связку на раскрытой ладони. Не подойдешь — не достанешь.

Арсеника сделала шаг вперед. Затем еще один. Молниеносно выхватила ключи. Дев оказался быстрее. Поймал за запястье, но удерживал вполсилы. Она легко могла бы вырваться, если бы захотела.

— Дай посмотрю. — Он заставил Арсенику отнять руку от лица. Слегка приподнял ее голову за подбородок и повернул к свету. — Надо приложить холодное, иначе будет синяк. Пошли, поищем что-нибудь.

Она послушалась, потому что поняла — он снова изменился. Точнее, вернулся в себя так же резко, как вышел.

Порывшись в холодильнике, Дев извлек из него запотевшую жестянку пива.

— На, держи.

Она не стала отнекиваться. Вскрыла банку и сделала большой глоток. Металлический привкус во рту сменился пивной горечью. Арсеника провела пальцем по ресницам и под глазами, проверяя, не размазалась ли тушь, и подарила своему обидчику взгляд, полный ненависти, — тот наблюдал за ее манипуляциями и кривовато улыбался.

— Я, вообще-то, другое имел в виду, — сказал он и снова приблизился на небезопасное расстояние, но вместо того, чтобы пояснить, вдруг коснулся губами все еще саднящей кожи. Потом повторил чуть ниже. Арсеника замерла в ожидании неизбежного продолжения.

— Если бы ад существовал, для меня приготовили бы самую жаркую из сковородок, — произнес он вверх, обращаясь к кому-то, но точно не к ней. — Тебе восемнадцать-то есть?

Арсеника кивнула. Дев не настаивал, но и отпускать не спешил. Чтобы оказаться с ним лицом к лицу, ей достаточно было слегка развернуться навстречу. Запах теплой кожи, шампуня, зубной пасты и еще чего-то тревожно-свежего, как дождь за распахнутым окном, в которое собираешься шагнуть. Этот полуголый тощий мальчишка выглядел скорее жалким, чем физически притягательным. Еще и с головой, похоже, полный абзац. Но осознание того, кем он являлся, будоражило сильнее любого алкоголя. Равно как и то, что совсем недавно она целовалась с Ландером, а теперь сблизилась с его врагом. Она была тем, что их объединяет. Занимала место в мыслях обоих. Отдавала тепло своего дыхания каждому из них.

Те самые пальцы, которые плутали сейчас в ее волосах, могли нажимать на курок. Или нащупывать пульс на шее мертвой старухи, чтобы через минуту пустить в квартиру газ.

Заметив, что она сомневается, Дев принял решение сам.

— Бо! Пропуск!

Да сколько же можно докапываться, когда она почти каждый день здесь маячит?

— Работать, что ли? Уже выздоровела? — Не то чтобы охранница реально интересовалась. Так, потрепаться...

— Не-а, — Бо замотала головой и для убедительности пару раз хлопнула носом. — К Маше. Я ей книжку обещала вернуть.

В подтверждение своих слов она наполовину вытащила из сумки пособие по телефонному консультированию, которое всегда таскала с собой. Могла бы просто не уточнять, но прошло уже три дня, и Бо немного осмелела. Три дня, а ее по-прежнему никто не искал. Может, и вправду обойдется?

Тот парень выжил и, судя по всему, никому о ней не рассказал. Вот бы и потом не передумал. Когда поймет, что ключ все еще у нее.

Но это потом.

А прямо сейчас Бо на всех парах влетела в рабочий кабинет, захлопнула за собой дверь и привалилась к ней спиной.

— Ну? — Она почти подпрыгивала от нетерпения, даже на то, чтобы снять верхнюю одежду, выдержки не хватило.

— Ну, что... Была я у него.

Как всегда некстати зазвонил телефон. Машенька приложила палец к губам, сняла трубку и кивком предложила Бо располагаться.

В то время как коллега вполголоса вела беседу, Бо гадала о том, что скрывалось за этим *была я у него*, сказанным не-машенькиным тоном с не-машенькиной интонацией. Если бы не обстоятельства — подруга обещала навестить в больнице сбитого байкера — Бо подумала бы, что та... Хм. Влюбилась?

В ожидании подробностей она шлялась туда-сюда по комнате, щелкала пальцами, подсовывала Машеньке записки с огромным количеством вопросительных знаков, но всякий раз отвергалась жестом с известного антиалкогольного плаката.

И так целый час. Никакого терпения не хватит!

Наконец трубка была водворена на место, информация о звонке подробно записана в журнал регистрации, а Машенькин взгляд устремлен на ерзающую в кресле Бо.

— Была, — повторила она и сдвинула брови, собираясь с мыслями. Потеребила пальцем загнутый край тетрадной обложки, взяла со стола ручку и принялась вертеть ее в пальцах. Можно подумать, нервничала. Хотя, ей-то что? Она в этой ситуации благородно-рыцарственна. Это Бо — преступница.

— К нему никто не приходит, — выдала наконец Машенька после недолгого молчания важное для себя, но не главное для Бо. — У него вообще никого нет, представляешь?

— Ага.

Даже из этой нехитрой информации Бо попыталась выжать что-нибудь полезное. Вроде того, что хотя бы родственники не будут выдвигать обвинений, а то иногда такие попадают — потреплют хуже самого пострадавшего... Короче, вжилась в роль криминального элемента и мыслила соответственно.

— Мной интересовался?

— Ни разу. Уверяет, что ничего не помнит. И что сам виноват в ДТП. Кстати, так и есть, в момент аварии он был пьян.

Жизнь определенно налаживалась.

— А что говорят врачи? — задала Бо второй мучавший ее вопрос. — Долго еще его там продержат?

— Прилично, — вздохнула Машенька. Впрочем, выглядела при этом так, словно лучшей новости и придумать нельзя. — У него переломы и сотрясение мозга. Короче, опасный ты человек, Божечка. Лучше тебе дорогу не переходить. — Шутит вроде и улыбается, а в глазах по-прежнему плещется то самое тоскливое «не-машенькино». — Бож, послушай... — Снова чужим голосом. Надломленным. — Ты веришь в судьбу?

Бо вообще опасалась во что-либо верить. Чтобы не сглазить. Но если уж выбирать, то она предпочла бы в качестве объекта веры что-нибудь более прагматичное, например, собственное невероятное везение. Вот только надолго ли? Про амнезию парень, конечно, наврал. Время тянет. Да и с чего бы ему откровенничать с Машенькой, когда он понятия не имеет о ее знакомстве с лихачкой на ржавой «Волге»?

Пусть бы и дальше не имел.

— Вдруг ты неслучайно его сшибла?

— Случайности неслучайны, — машинально подтвердила Бо, все еще погруженная в свои мысли.

— Да! Да, я тоже так думаю! — затараторила Машенька. — Вдруг это мой шанс? Моя судьба? Бож, что, если мне его Бог послал?

— Скорее, черт принес. — Получилось недобро, как она и хотела. — Принес и бросил мне под колеса...

Телефон каркнул хриплой трелью. Машенька вновь отвлеклась, а Бо глотком залила в себя остывший чай и стянула со стола журнал учета звонков. Целых три дня, как-никак, из жизни выпадала.

Расчерченные по линейке клетчатые листы приятно шелестели под пальцами.

Звонков явно прибавилось, и по ночам — тоже... Бо сощурилась, разбирая каракули Турищева. Ему бы участковым терапевтом работать с такой-то каллиграфией. Пятнадцать сессий за ночь, когда это такое было? Суицидальные настроения... Угроза суицида... а тут кризисная интервенция. Да что они все, с ума посходили?

Палец уткнулся в одну из строчек, сделанную другим консультантом. Бо прочла ее несколько раз, холодея спиной, затылком и ладонями.

Говорит, что видит мертвых.

Сутками ранее — та же история. Бо перестала скакать взглядом по записям и начала читать все подряд. «Дочь призналась, что видит мертвых, а потом и муж...» «Краем глаза заметил фигуру человека, обернулся — никого». «Потеря смысла, хочется наложить на себя руки». «Покойная бабушка велела взять нож и выйти на улицу». Снова интервенция. «Угрожает выпрыгнуть из окна. *В соседней комнате кто-то кричит и умоляет выключить воду...*»

Почерк Машеньки.

— Такое уже было.

Дернувшись от неожиданности, Бо подняла голову и уставилась в серьезные глаза подруги.

— Не настолько много, но тоже. В ноябре того года. Если хочешь, давай найдем

предыдущий журнал.

— Не сейчас. — Закусив губу, Бо снова и снова перечитывала ту первую запись. Она была сделана спустя сутки после ее ДТП. Раньше таких обращений не было, Бо убедилась в этом сразу.

— Как там ты говорила?

— Не я, — от волнения в горле пересохло и язык едва ворочался. — Тот парень говорил.

— Антон, — подсказала Машенька.

Еще один. Случайности по-прежнему неслучайны?

— Антон, о'кей. «Живые начнут видеть мертвых и сами захотят стать мертвыми».

В соседней комнате в такт сердцебиению обеих девушек громко тикали часы.

Бо нарушила молчание первой.

— Думаешь, в ноябре его тоже кто-то сбил?

Машенька неуверенно пожала плечами:

— Если так, то он какой-то невезучий.

— Ха! — язвительно заявила Бо. — Наоборот, раз пьет, а потом лезет за руль. Всего-то два раза! Хотя должен был уже в земле лежать.

— Он не такой. Ты его совсем не знаешь.

— Зато ты, смотрю, хорошо изучила...

Машенька захлопала ресницами и открыла рот, чтобы возразить, но не успела. Телефон снова задребезжал чьим-то воплем о помощи.

— Я возьму, — быстро сказала Бо и цапнула трубку.

Голос прорвался к ней сквозь невнятный фоновый шум, похожий на порывы ветра.

— Мама, там мама... — Ребенок. Мальчик или девочка — непонятно. Лет девять-десять, не больше. Вздвонован, напуган. Говорит слишком быстро.

— Что с твоей мамой? — Бо подстроилась под темп собеседника. Не столько нарочно, сколько из внутренней уверенности, что надо спешить.

— Она стоит на подоконнике и плачет. И разговаривает с кем-то, но кроме нее там никого нет.

— Можешь дать ей трубку? — попросила она, а сама выразительно уставилась на Машеньку и указала взглядом на параллельный телефон. Коллега поняла без слов. Дотянулась до аппарата и бесшумно подключилась к беседе.

Щелчки какие-то. Шелест, будто от конфетной обертки. Затем все стихло.

— Она не хочет разговаривать.

— Скажи, что звонит кто-то знакомый. Срочно. Бабушка... у вас есть бабушка?

— Моя сестра, — мгновенно сообразил обладатель голоса в трубке. — Она живет в другом городе.

Надо сказать, ребенок неплохо держался.

— Хорошо, пусть будет сестра. Давай.

В ожидании ответа Бо и Машенька медленно друг другу кивнули.

Из-за кадра доносился чей-то непрерывный монолог. Говорили то тише, то громче, с выражением, будто зачитывая театральную роль. Поначалу голос слышался издалека, словно в комнате работало радио или телевизор, а потом неожиданно загремел прямо в ухо:

— Я? Тебе? — яростно спрашивала женщина кого-то, но явно не Бо. — Ничего не должна! Теперь я здесь живу! Да убери уже свою веревку! Убери, сказала! Иди в могилу. Спи!

Первой мыслью было, что она пьяна или не в себе. Но следующая реплика прозвучала

по контрасту осознанно:

— Оля, Оля? У тебя что-то случилось? Ты же в Иркутске должна быть...

— Я не... — начала было Бо.

Собеседница снова взвыла:

— *Я сказала, убери веревку! Уходи спать!*

Звуки стали глуше — наверное, выронила трубку. Бо показалось, что она слышит удары или что-то очень на них похожее.

— Мама, мамочка! — Детский плач. Того, первого звонившего.

— Я! Сказала! Спать! — Звон, словно металлом по батарее. Тоненький визг.

Оцепеневшая Бо замолчала, а о том, что Машенька продолжает говорить, догадалась только по движущимся губам.

Ребенок больше не кричал. Почему он перестал кричать?

Может, Бо внезапно оглохла?

Через мгновение все вернулось. Все, кроме детского крика.

Зато там был голос Машеньки — неприятно-монотонный, будто у диспетчера, объявляющего посадку на рейс, он раздавался дважды, в пространстве кабинета и в динамике, а потом Бо поняла, что и сама твердит то же: «Алло, вы меня слышите? Ответьте, пожалуйста!»

— Гуля, — всхлипнула вдруг женщина. И завизжала так, как Бо никогда в жизни не слышала: — Гулечка моя-а!

Последним, что донеслось оттуда, из неизвестной квартиры в неизвестном доме, где прямо сейчас творилось нечто ужасное, окончательное и непоправимое, стал грохот опрокинутого стула.

Телефонная трубка выскользнула из потной ладони Бо и глухо брякнулась об паркет.

— Она убила свою дочь?

— Теперь мы этого не узнаем, — веско отрезала Машенька, хотя сама тяжело дышала и вздрагивала, откатываясь в инвалидном кресле обратно к рабочему столу. — Разве что из новостей.

Повинуясь внезапному порыву, Бо подошла к коллеге и обняла ее худенькую, с торчащими лопатками спину, которая казалась сейчас крепче и надежней любой стены.

— Убила свою дочь, — прошептала она утвердительно. — Выбросила из окна, а потом прыгнула сама. Ну почему мы не имеем права определять номера?

— Потому что тогда нам никто не будет звонить, — надломленным голосом ответила та, и на Бо пыльным занавесом упало осознание того, что Машеньке тоже плохо. Еще хуже, чем ей самой, потому что Машенькина неспособность ходить вовсе не была врожденной.

Черствая идиотка Бо! Никчемный консультант и никчемный друг.

Два тела на асфальте. Взрослый и ребенок. Девочка с птичьим именем Гуля, которая всего пять минут назад разговаривала по телефону со спокойствием человека, уверенного в том, что ему помогут.

Птичка Гуля выпала из гнезда, скорее всего, даже не успев этого понять.

Бо и дальше продолжала бы всматриваться в бездну, барахтаясь в той же невесомости, что и летящая вниз малышка, но очередной звонок выдернул ее из забытья. Машенька не сделала попытки ответить. Бо замерла тоже и стояла, чувствуя, как струится вдоль позвоночника липкий пот. Впервые за всю свою карьеру телефонного консультанта она боялась снять трубку.

— Да, но как? — заговорила она после того, как телефонный крик оборвался на полуслове. Неотвеченный вызов лег на их души общим камнем. Разговор о другом помогал хотя бы ненадолго заглушить беспомощный ужас внутри. — Как я должна искать этого Князева, скажи мне, как?

Машенька промолчала, но Бо не унималась и продолжала спорить — со стеной, увешанной разноцветными графиками дежурств, с тусклой настольной лампой, с испуганно притихшим телефоном. С собой, наконец.

— Это ведь не иголка в стоге сена, Маш, это... Человек, о котором не известно ничего, кроме имени! — восклицала она. — Даже в отряде у нас бывает больше данных. Хотя бы возраст... Глаза, рост, цвет куртки... Фотография десятилетней давности! Но имя? Ты хотя бы представляешь, сколько в этом городе Антонов Князевых?

Так и не дождавшись предположений, Бо вытащила из кармана мобильный и показательно взмахнула им над головой.

— Вот, смотри! Пишу: «Ищу Антона Князева. Буду благодарна за любую информацию». Это чат отряда. Не говори потом, что я не пыталась. Можно еще в окошко крикнуть, вдруг он как раз будет проходить мимо?

Окончательно вытеснив злостью собственное бессилие, она загремела чашками в поисках чистой. Выцарапала из мятой пачки последний пакетик дешевого чая и только собралась ругнуться на Турищева, по привычке пачкающего всю посуду без разбора, как мобильный в ее кармане коротко вжикнул.

Бо достала телефон, сняла блокировку и прищурилась. Не поверив глазам, перечитала снова — про себя, а затем и вслух:

— «Благодарностью не отделаешься, за этого потеряшку двести косарей обещают. Решила подзаработать на покойниках?»

— Ответь! — взвилась Машенька.

Бо и сама уже судорожно тыкала пальцами в экран, то и дело промахиваясь мимо нужных букв: «Что тебе известно?»

Собеседник не был ей знаком — набор цифр вместо имени. Может, кто-то из новеньких?

На этот раз она успела испортить заварочный пакетик чуть теплой водой из остывшего чайника и даже выпить половину получившейся бледно-желтой дряни.

Когда мобильный завибрировал снова, Бо едва не грохнула чашку об пол.

— «Заходила бы почаще, знала бы!» — пробормотала она, впиваясь взглядом в каждую строчку. — «В ноябре прошлого года Антон Князев в результате драки упал в реку с Канавинского моста. Официально погиб, тело так и не нашли. Родители верят, что он выжил, но потерял память или оказался в беде. В офисе есть заявление и фото. Они объявили награду за любую информацию и двести штук тому, кто найдет его живым или мертвым. Я думал, ты поэтому интересуешься».

Бо не спешила объясняться. Раз он молчал целых десять минут, то и она имела право взять паузу.

Ноябрь. Тогда она и правда выпала из жизни поискового отряда — разгребала долги в аспирантуре. Вернулась после Нового года. Про Князева уже не слышала, а если и слышала, то не запомнила. Активных поисков тогда не вели.

«Почти», — напечатала Бо, немного подумав. По сравнению с текстом выше одинокое слово выглядело пренебрежением к собеседнику, и она добавила: «Спасибо. Было

интересно».

— Мне срочно нужно в отряд.

— Подожди! — окликнула Машенька. — Это не то. Потому что... — Она прищелкнула пальцами, подбирая слова: — Ну, не мог Антон попросить тебя найти этого Князева. Он что, не в курсе, что тот давным-давно пропал?

— Или знает, что Князев жив-здоров! — перебила Бо. Она чувствовала, что напала на след, и след этот был верным, несмотря на очевидные противоречия. — Вдруг он видел его уже после пропажи? Ноябрь, Маш! Тот самый месяц, когда статистика смертей подскочила в первый раз. Это не просто совпадение... Не знаю, как, но все это связано. Смерть Князева, наши самоубийцы, твой второй Антон и снова наши самоубийцы...

— Игни.

— А? — не въехала Бо, все еще пытаюсь мысленно связать разорванные концы этих вроде бы разных историй.

— Он просил называть его Игни.

— Да хоть Аардом^[1]! — отмахнулась Бо. — В общем, сейчас я еду за данными по Князеву, а ты завтра навести-ка этого Игни или как его там. И трясси, чем хочешь объясняй свой интерес, ты же психолог, не мне тебя учить. Пусть рассказывает, где искать Князева. Двести тысяч пополам отлично делится. Представляешь, сколько всего можно купить на эти деньги?

— Конечно, нет, — флегматично пожала плечами коллега, отворачиваясь. — И вряд ли когда-нибудь представлю.

Садиться за руль после аварии было сущей пыткой. Повезло еще, что ночная дорога оказалась почти пустой — зато нечищенной и скользкой. Машина тащилась по снежной колее, одной рукой Бо вцепилась в руль, а второй судорожно дергала рычаг переключения скоростей, который поддавался еще тяжелее обычного. Музыка не помешала бы, но магнитолой старушку-«Волгу» обделили.

Бо не собиралась останавливаться до самого штаба, и уж тем более делать это на мосту, с которого, как выяснилось, загредел потеряшка-Князев и мало ли кто еще. Справа и слева чернело небо, где-то внизу, под толстым слоем льда, дремала стылая речная вода. Но от всего этого проезжую часть отделяли фонари, провода, рекламные флажки и надежный отбойник. Никакой угрозы. Никакой мистики.

Краем глаза Бо углядела у парапета темный силуэт. Еще и подумать не успела, а нога уже вдавила в пол педаль тормоза. Со скрежетом сменив передачу, Бо сдала назад, вероятно, грубо нарушив десяток правил, которые она все равно забыла.

Все эти самоубийства... Кто-то звонит в службу психологической помощи, а кто-то просто выполняет задуманное, никого не предупреждая. Например, прыгает с моста.

Холод накинудся со всех сторон сразу. Бо выскочила из машины и бросилась к тротуару, на ходу поплотнее запахивая куртку.

Незнакомка не обращала на нее внимания. Обхватив себя руками за плечи, она замерла возле перил и даже не пыталась откинуть с лица волосы, которые развевались от ветра. Там, куда был направлен ее взгляд, золотился ночной подсветкой собор Александра Невского — единственное яркое пятно посреди ночного неба, неотличимого от черного противоположного берега.

— С вами все в порядке? Вам нужна помощь?

Девушка медленно повернула голову и уставилась на Бо так, словно с ней заговорил невидимка. Ее била крупная дрожь, что неудивительно — одета она была явно не по погоде. Бо сразу же захотелось стянуть с головы шапку и нацепить ее на эту ненормальную.

Вспышка узнавания отодвинула благородный порыв на второй план.

Поиски пропавших студенток прошлой осенью. Последняя жертва маньяка — та, которую нашли потом мертвой в городском парке. Ксения... Ксения Лисницкая, точно! В ее квартире Бо и встретила свою нынешнюю «самоубийцу». Еще отдала ей пачку листовок для расклейки. Тогда она казалась вполне адекватной, да и выглядела, прямо скажем, поприличней. Хотя какая-то странность все-таки была с ней связана. Безобидная, правда... Мать у нее, что ли, на картах гадала?..

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — повторила Бо настойчиво, а получив в ответ неуверенное качание головой, поспешила уточнить: — Мы с вами уже встречались. Вы ведь подруга Ксении Лисницкой, верно?

Взгляд незнакомки стал более осмысленным. Теперь она смотрела не сквозь Бо, а прямо на нее. Едва шевеля посиневшими от холода губами, девушка проговорила:

— К-ксюша ум-мерла...

Значит, не обозналась.

— Да ты тут совсем дуба врежешь! Пошли, — распорядилась Бо. Подхватила ее под локоть и потащила к машине. Девушка шагала покорно, только очень уж медленно. Еще немного, и Бо сама начала бы отбивать зубами чечетку.

Стекла окон «Волги» наглухо затонировало изморозью. Бо кое-как расчистила скребком лобовое, бросила щетку в багажник и нырнула в промерзший салон. Растирая окоченевшие пальцы, она мысленно взмолилась о том, чтобы двигатель не вздумал чудить прямо сейчас.

Повезло. Фыркнул, прокашлялся, но затарахтел.

— Как тебя зовут?

Бо включила обогрев и рывком тронула машину с места. На ходу печка должна была раскочегариться быстрее.

Ее спутница сидела рядом, ссутулив плечи. Прятала ладони между коленей и смотрела прямо перед собой взглядом человека, который вернулся с того света. Да, именно так она и выглядела — словно только что выбралась из могилы. Неряшливо слипшиеся волосы с комьями чего-то, похожего на землю, дорожки от слез на грязных щеках. Обветренные губы.

— Ника, — чуть слышно ответила девушка, и у Бо возникло ощущение, что совсем недавно она уже слышала это имя. Это было важно, но никак не поддавалось воспоминанию.

— Где ты живешь? Если хочешь, я отвезу тебя домой!

Бо говорила с преувеличенной бодростью. Во-первых, перекрикивала шум двигателя, а во-вторых надеялась хоть немного приободрить Нику, заставить повысить голос в ответ. Но та продолжала лепетать. Бо слышала ее через слово, об остальных приходилось догадываться.

— Я не знаю.

— Ты приехала из другого города?

— Нет.

Просто прекрасно.

— Тебя выгнали из дома? Может быть, ты сбежала? Или не помнишь адрес?

Последнее могло показаться совсем уж странным, но по своему опыту поисковика-волонтера Бо знала, что от такого рода дезориентации не застрахованы и молодые. В штабе есть список ночных приютов для бездомных, соображала она, хотя, это, конечно, временный

выход. Без полиции здесь не обойтись. Вот же, обрела еще один геморрой...

— У меня больше нет дома.

Объяснение, которое ничего не объясняет. Можно заново повторять все заданные вопросы.

— А куда он делся? — переформулировала Бо для разнообразия.

— Сгорел.

— И поэтому ты хотела спрыгнуть с моста?

— Я... я не... — Слабый отблеск эмоции в голосе. Протест. — Я вовсе не собиралась прыгать. Я ждала одного человека.

— ТВОЮ МАТЬ!

Если б не ремень безопасности, Бо наверняка сломала бы нос, вцепившись им в «баранку». В ответ на резкое торможение «Волга» пошла юзом. Бо выкрутила руль, но машина не смогла выбраться из грязно-снежной колеи, так и перла вперед всей своей многотонной, разъеденной коррозией массой. Чертов снегопад. Чертова темнота. Чертов старик, и откуда он тут взялся?!

Бо посетило ощущение какого-то кошмарного дежа вю. Поняв, что ничего не сможет сделать, она зажмурилась и покорно ждала столкновения. Проскользив еще несколько метров, автомобиль замер. По ощущениям Бо, пенсионер-полуночник уже должен был стать частью дорожного покрытия, но удара не последовало. Отскочил? Увернулся, хотя до этого стоял прямо по курсу и тупо пялился на свет фар?

Удары сердца ощущались где-то в районе желудка. Бо заставила себя открыть глаза и покосилась на свою молчаливую спутницу. Та сидела, вцепившись пальцами в сиденье, с тем же отсутствующим выражением лица, что и раньше. Кремень-девица... Сама Бо взмокла от напряжения. Высунувшись из-за руля, она осмотрела дорогу прямо перед собой, насколько хватало света фар.

Никого.

Чтобы еще раз в этом убедиться, она вышла из машины. Обошла ее кругом, заглянула под днище, покрутила головой по сторонам в поисках тела, но его не было.

На подкашивающихся ногах она вползла обратно в салон, рухнула на сиденье и сжала влажные пальцы в кулаки.

— Есми.

— А?

— Это был не живой человек, — чуть громче пояснила Ника. Потом откинулась на спинку и безвольно уронила голову на плечо. — Есми. Это Хаос.

Живые начнут видеть мертвых?..

— Откуда ты знаешь?

Та не посчитала нужным ответить — или попросту уснула.

Бо мысленно ее прокляла.

Возле подъезда, который вел в святая святых — штаб-квартиру поискового отряда (это и вправду была квартира, не в меру захламленная и много лет беззвучно умоляющая о ремонте), — Нику пришлось разбудить. Поначалу Бо намеревалась оставить ее в машине, но побоялась, что стоит ей только вынуть ключ из замка зажигания, покончив таким образом с обогревом, и отлучиться пусть даже на полчаса, и по возвращении она обнаружит внутри хладный труп. Безо всяких метафор.

Так, с мало что соображающим арьергардом в виде не до конца проснувшейся девушки,

Бо ввалилась в сонное тепло прихожей. Не включая света, стянула куртку, метко швырнула ее на стул и машинально пнула нечто, попавшее под ноги. Запоздало вспомнилось, что кто-то из коллег недавно притащил в штаб на постоянное место жительства лишайного уличного кота. Оставалось надеяться, что пинок прилетел не ему.

Ника раздеваться не стала. Поначалу она вообще не двигалась с места. Так и топталась на коврике возле двери все то время, что Бо, приглушенно ругаясь, пробиралась в темную кухню, затем в архив, и только после этого потопала в дальнюю комнату, бледно освещенную одним только экраном монитора.

— Сюда иди, — шикнула Бо, раздосадованная заторможенностью своей «находки». Сама она чувствовала себя здесь как дома. — Садись. — И кивнула на продавленный диван, который вначале предстояло разыскать под грудой одежды, старых газет и несчетного числа принтерных распечаток.

На мерцающем экране бесшумно разворачивался баттл. Единственным звуком, нарушающим тишину комнаты, было бешеное щелканье мышки под пальцами мальчишки, который, видимо, в тот момент видел себя командиром танковой дивизии.

Бо не стала ему мешать. Слегка приоткрыла жалюзи, чтобы на полки, от пола до потолка заваленные архивными бумагами, падал свет уличных фонарей, и с энтузиазмом принялась за поиски нужной. Но практически сразу, припомнив о втором важном деле, деликатно похлопала увлеченного геймера по плечу.

От неожиданности тот подскочил на стуле, рывком сдернул наушники и воззрился на Бо с бесконечным ужасом человека, застигнутого врасплох.

— Какого хр...

— Потом расскажу, — Бо миролюбиво ему улыбнулась и указала взглядом на монитор. — Поможешь?

— Кофе налей, — буркнул тот, но спорить не стал. Свернул окно игры и забегал пальцами по клавиатуре. — Что ищем-то?

— Ночлежку. Свободное место. Вон, для нее.

Только тогда пацан заметил, что в комнате есть кто-то третий. И он, и Бо дружно уставились на спасенную самоубийцу. Девушка Ника покорно умоглась на краю дивана, сложив руки на коленях и полуприкрыв глаза, и, кажется, дремала сидя.

— Бродяжка?

— Бездомная.

Не считая нужным еще что-либо пояснять, Бо двинулась в кухню. Наполнила чайник, поставила его на газ и ненадолго застыла возле подоконника, засмотревшись на редкие огоньки окон, за которыми тоже сейчас не спали. Таких было немного, и Бо невольно задумалась о том, что происходит там, за каждой из опущенных штор. Новорожденный малыш плачет? Кому-то плохо, вызвали «скорую» и ждут, меряя шагами комнату? Супруги скандалят? Или жильцы беседуют с призраками?.. Еще недавно у девочки Гули тоже было такое окошко. Учебники, книги, цветы на подоконнике...

Бо дернула плечом, стряхивая тоску. Пощупала пальцем пересохшую землю в горшке с кактусом, сердито хмыкнула и подлила цветку воды. Пожалуй, даже дитя пустыни такой засухи не выдержит. Всем наплевать на тебя, колючий. Еще и кота притащили. Интересно, где же кот?..

— На Гагарина примут! — крикнул из комнаты ночной дежурный. Бо залила кипятком растворимый кофе в трех одинаковых кружках, подняла все разом и вернулась в комнату,

осторожно переступая медленными шажками, чтобы не обжечься и не расплескать содержимое.

— Держи. — Убедившись, что кружка надежно зафиксирована и не ухнет вниз из пальцев памятника безразличию по имени Ника, Бо вернулась к бумагам и некоторое время молча в них шарила. Ника. Где она могла слышать это имя?

— Потеряла чего? — снизошел наконец дежурный. Бо знала, что по-настоящему его зовут Костик и что он часто тусуется в штабе. Все называли его Тин — чтобы не путать с тезкой, слишком серьезным для прозвищ Константином Михайловичем, одним из оргов отряда. До поисков мальчишку не допускали, хоть и рвался, но и не прогоняли. Тина в шутку называли талисманом отряда — он необъяснимым образом указывал именно на тот участок карты, где нужно было искать. Обводил курсором «мыши» квадрат — и готово. Иногда выдвигаемые им предположения казались совсем уж случайными, не оправданными никакой логикой, но раз Тин так считает — один-двое ехали проверять. Чаще всего, не напрасно.

Но история с Князовым случилась раньше, чем «талисман» воцарился на скрипучем компьютерном стуле в этом затерянном между жилыми домами филиале надежды и веры.

— Вряд ли знаешь, ты же у нас новенький, — уязвила его Бо. Именно она была здесь старожилом, а уважения — ноль целых, ноль десятых. Но все же уточнила — скорее, чтобы подтвердить гипотезу, а не получить ответ: — Антон Князов. Ориентировка ноября прошлого года.

За их спинами что-то глухо брякнулось об пол. Обернувшись, Бо увидела Нику, которая уже не сидела, а вскочила и, казалось, с трудом сдерживалась, чтобы не закричать. Она по-прежнему выглядела как покойник, но такой... Слегка взбудораженный.

— Антон? — переспросила девушка, заикаясь. — Ты сказала, Антон Князов?

Бо медленно переглянулась с Тином и так же медленно кивнула.

— Твой знакомый? — осторожно уточнила она, не зная, какой реакции ожидать. — Может, ты в курсе, где его найти?

После этих слов Ника мгновенно очутилась рядом с Бо. Вцепилась в рукав свитера и тянула его куда-то вниз, словно намеревалась оторвать вместе с рукой.

— Игни знает.

Одни и те же имена. События. Даты. Чертовы ниточки никак не желали связываться. Дразнили близкой разгадкой и снова сворачивались в гордиев узел.

Игни — вот кто говорил о Нике! Сбитый парень произносил это имя в бреду. Наверняка, подружка. Или близкая знакомая. Короче, не тот человек, с которым Бо мечтала бы пообщаться прямо сейчас. Не было печали...

От бесполезной игры в гляделки Бо отвлек все тот же Тин. Ладно хоть не стал злорадствовать. Протянул несколько листов распечатанного текста и снова уткнулся в комп.

— Князов твой, — буркнул он коротко, прежде чем снова ринуться в виртуальный бой.

Князов. Бо подошла к окну, чтобы в свете уличных фонарей получше разглядеть нечеткий снимок.

На долю секунды она решила, что ее рассудок ушел погулять. Свихнулась. Тронулась. Повредила умом окончательно и бесповоротно.

Потому что именно этого парня она сбила недавно на перекрестке. Это его лицо она видела под шлемом — так близко, что ошибки быть не могло. Антон Князов лежал тогда на асфальте, захлебываясь кровью, и умолял ее *разыскать самого себя*.

Все это время Ника чуть слышно сопела у нее за плечом.

— Читай, — с этими словами Бо протянула ей заявление матери Князева. Все, что там было, она уже знала из переписки в чате отряда.

Ника тоже не выглядела шокированной. Пробежав глазами по строчкам, она вернула листок и смотрела на Бо как овца, которую вот-вот поведут на заклание.

С тяжелым сердцем Бо решилась на то, о чем думала с самого начала, но только теперь поняла безвариантность своего положения.

— Ладно, поехали. У меня переночуешь.

Кажется, им двоим предстояло многое обсудить.

— Не спи, я все равно от тебя не отстану.

Вместо ответа Ника обреченно выдохнула и завопилась под одеялом, устраиваясь поудобнее. После горячего душа и тарелки разваренных макарон она явно с трудом удерживала глаза открытыми, но Бо привезла ее к себе домой не из чистого милосердия, а потому рассчитывала на диалог.

— Итак, на том мосту ты ждала Антона Князева. — Снова вздох. Хоть бы поддакивала, чтобы понимать, что еще не дрыхнет! — Который умер, но ты все равно его ждала.

Про сбитого байкера Бо пока что помалкивала. И вообще старалась больше спрашивать, чем отвечать сама. К счастью, собеседница ей досталась на редкость нелюбопытная.

— Да, — вяло подтвердила Ника. Значит, все-таки слушала.

— Ты странная, — сказала Бо, а про себя подумала, что надо было загрузить Тина поиском данных о сбежавших из сумасшедшего дома русоволосых пациентках лет семнадцати на вид. Но вслух заговорила о другом: — У Князева, случайно, нет брата? Или друга, очень на него похожего?

«С точно таким же именем», — припомнила она. Однако, Антон-Игни явно не мог приходиться Антону Князеву близкой родней. Называть детей одинаково — это клиника.

— Почему ты спрашиваешь?

Темнота скрывала лицо девушки, но Бо могла бы поклясться, что та по-настоящему разволновалась. Первая сильная эмоция с момента их встречи. Она промолчала, прикидывая, как бы ненароком не выдать свое преступление, и Ника договорила сама:

— Ты знаешь Игни?

Она оказалась рядом так стремительно, что Бо внезапно струсила. Хороша, нечего сказать — пригласила в гости незнакомую девчонку с мозгами набекрень, да еще и в душу к ней лезет. Вот сейчас как вцепится в горло с точно таким же безумным взглядом — Бо долго никто не хватится. Для всех она на недельном больничном. За это время можно автостопом на другой конец страны умотать.

Бо шумно сглотнула, но Ника не стала ее душить. Правда, схватила за плечи и несколько раз чувствительно встряхнула.

— Говори! — Теперь в голосе девушки звучали совсем иные нотки. От прежней размазни и следа не осталось. — Мой дом сгорел. Я не могу найти родных. Игни должен был меня встретить, но тоже пропал. Живые видят мертвых. Где сейчас Игни? Ну?

Сумрачно глядя в сторону, своим самым интуитивным местом Бо поняла, что если не признается, то... Убивать ее не будут, но врежут точно. А может, и не раз.

— В больнице, — выдохнула она. Ника наконец выпустила ее футболку и опустилась на краешек кровати. Некоторое время она о чем-то раздумывала.

— Выпить хочешь? — брякнула Бо, которая не отказалась бы от чего-нибудь покрепче

вина, если бы это у нее было.

— Тащи, — кивнула окончательно сбросившая оцепенение Ника. Сгоняв в кухню за бокалами и бутылкой, Бо обнаружила ее сидящей прямо на полу. Влажные волосы облепили спину девушки, по серой ткани пижамы, которую одолжила ей хозяйка квартиры, расплывались мокрые пятна.

Бо устроилась рядом и протянула бокал. Едва пригубив, Ника отставила его в сторону, в то время как сама Бо залпом осушила свой и тут же наполнила снова. Мышцы немного расслабились, внутри потеплело.

— Ты знаешь, что случилось с Игни? — Спросила вроде негромко, но стальные нотки в голосе намекали на то, что лучше не юлить.

— Он попал в аварию, — Бо решила не врать, но по-прежнему старательно избегала упоминаний о своей роли в судьбе парня. — Почти неделю назад.

— Неделю... Так вот почему он меня не встретил.

Ника покусывала губу и снова о чем-то размышляла. После горячего душа, переодетая в вещи Бо, она уже не напоминала привокзальную бродяжку. Ничего такая, симпатичная даже. Остроносая, зеленоглазая, не улыбочивая. Лишних слов не говорит, лишних движений не делает тоже. Руки тонкие, но слабыми их не назовешь. Острые плечи, торчащие ключицы. Все-таки было в ней что-то беспризорное, уличное. Бо достаточно насмотрелась на таких и в отряде, и раньше, когда работала в летнем лагере с «трудными». Даже если у них есть дом, они все равно бегут. Сами для себя потерянные, они ищут что-то, но не знают, что и где. Везде чужие, и в то же время свои. Люди без руля и ветрил, не живущие, а *выживающие*. Как и эта.

— Утром отвезешь меня к нему. А сейчас давай спать.

Несколькими глотками допив оставшееся в бокале вино, Ника вернулась в постель, натянула на плечи одеяло и затихла.

Если Бо и хотела выяснить что-то еще, то теперь это вряд ли бы удалось.

Стиснув зубы, он отвернулся к стене, но это не помогло. Рука все равно позорно дернулась, когда игла прошла сквозь кожу.

Даже к такой ничтожной боли Игни оказался не готов. Тело становилось чужим и непослушным, выкрашенная в желтый стена больничной палаты расплывалась перед глазами и горчило во рту, стоило только вспомнить о том, что через тоненькую стальную трубку внутрь него попадает посторонняя жидкость и капля за каплей разбавляет кровь. Хорошо еще, что попали с первого раза. Вчера все вены истыкали, и все равно эта чертова хрень пошла не туда, куда надо. А он точно так же паялся в стену — рука онемела напрочь, так что было терпимо, если постоянно не думать об игле — и гонял в голове одно и то же, потому что нечего было больше гонять: битый мотоцикл на штрафстоянке, лишение прав за пьяную езду, незнакомая девушка, ключ от тайника с оружием, Хаос... Не смог, не справился, подвел. И Ника. Где сейчас Ника?

Примерно в тот момент, когда «Ника» прокрутилось в голове раз в пятнадцатый, кто-то из соседей по палате заметил неладное и предложил позвать медсестру.

Игни хватило одного взгляда на вздувшуюся на сгибе локтя кожу. Дальнейшее он не помнил. Предполагал, что между этой картиной, нашатырной вонью и похлопыванием по щекам должно было быть что-то еще, но произошло оно без его участия.

Он потратил уйму времени на мечты о жизни, однако теперь, когда мечта осуществилась, стало еще хуже. Чертово тело *болело*. Совсем не так, как раньше, в полубытии, когда он зависал между «мне отмщение» и «аз воздам». То была фантомная боль ампутированной души, и между ней и Игни всегда стоял Князев. Князев принимал удар на себя.

Теперь его нет. Все по-настоящему. Наслаждайся, придурок...

Правда, сегодня у него была целая вереница причин не втапывать себя в привычную грязь. Физраствор бодяжил кровь строго по инструкции, в глазах уже не троилось, а всего лишь слегка плыло. И рядом была Маша.

Сокамерники шлялись по коридору в ожидании посетителей. Если бы не это обстоятельство, он давным-давно сгорел бы со стыда.

— Выглядит аппетитно, — с излишним энтузиазмом заявила девушка, ковыряя ложкой остывшую гречневую кашу. Тарелку принесла она же. Вернее, привезла. Даже в мыслях Игни не был уверен, как правильной.

Маша была одной из тех, кто ждал приезда «скорой» там, на перекрестке. Она говорила с ним, не переставая, а он цеплялся за этот голос, будто утопающий за спасательный круг, и только благодаря ему не погружался в настойчивое забытие. Сквозь туманную пелену он видел сверкающие спицы колес инвалидного кресла. Еще подумал, что мозг подкинул ему странную галлюцинацию в виде парализованного херувима, который как бы намекал на то, что что ждет в ближайшем будущем самого Игни.

Будущее оказалось не столь мрачным, но херувим остался.

— Может, это не очень вкусно, но тебе нужно есть, — продолжал звенеть голосок ангельской Маши. — Если хочешь, я приготовлю что-нибудь домашнее и привезу тебе завтра. Нужно только спросить у врача. Что ты любишь?

Игни промолчал. У него не было любимых блюд.

Так и не дождавшись ответа, Маша снова взялась за ложку.

— Подумай, ладно?

Он кивнул, рассматривая собственные руки с выступающими венами, лежащие поверх одеяла, так, словно видел их впервые в жизни. Каждая их встреча проходила в его неловком молчании и ее робких попытках завязать разговор. Он чувствовал себя деревяшкой, каменным истуканом, бессмысленным обрубок себя прежнего. Сам был бы рад непринужденной болтовне, но слова застревали в горле. Или даже раньше — в голове.

Но все равно он ждал ее, ждал каждый день — начиная с того самого момента, когда она уходила. Или уезжала.

— Слушай, — Маша снова вернулась к нарочито веселому тону, каким уговаривают капризных малышей, — если ты не хочешь есть сам, тогда я буду кормить тебя, как маленького. С ложечки.

Сказала — и смутилась. От неожиданности Игни нарушил собственное негласное правило — не смотреть ей в глаза.

Тарелка с ненавистной гречкой стояла у нее на коленях. Румянец на бледных щеках. Застенчивая улыбка.

— Как хочешь, — произнес он хрипло. Сам от себя не ожидал.

Маша глянула недоверчиво, но все же придвинулась ближе. Наклонилась, щекоча ему щеку упавшей прядью, поднесла к губам ложку. Какое счастье, что их никто не видит...

Он покорно жевал сухую кашу, а она легонько касалась пальцами простыни, собирая просыпавшиеся мимо зернышки, и, казалось, едва сдерживала смех.

Приведя в порядок постель, рука скользнула по его груди, смахнула что-то невидимое и вдруг поднялась выше. Вверх по шее, к волосам, пока не замерла в районе затылка едва ощутимым теплом. Игни смотрел вопросительно — по крайней мере, надеялся, что его слишком прямой взгляд будет истолкован именно так, потому что из-под ее неподвижной ладони уже потянулись к вискам ниточки знакомой ноющей боли. И потому, что ее внезапно решительный вид не предвещал ничего хорошего, а становиться кому-то нужным сейчас было бы слишком неразумно. Равно как и объяснять причины.

— Я хочу кое о чем тебя спросить. Можно?

Игни кивнул в знак согласия, но Маша почему-то медлила.

Она бы его поцеловала. Он успел прочесть это в ее глазах за мгновение до того, как дверь палаты распахнулась.

А потом он увидел Нику. Свою Нику.

Игни резко сел, выдернул из вены капельницу, но тут же снова повалился спиной на подушку под тяжестью тела налетевшей на него девушки.

Это была Ника. Живая, теплая. Игни гладил ее по спине, зарывался лицом в волосы, чувствовал на коже влагу ее слез. Вернулась. С изнанки города. Из мертвых вернулась! Совсем невесомая, хрупкая. Обнимая, он едва ощущал под вязаным свитером ее саму — девочку, которая ни разу его не подвела, в то время как сам он только этим и занимался.

Поначалу Ника только всхлипывала и прерывисто дышала, а потом стала спрашивать, почему он ее бросил. Задавала один и тот же вопрос снова и снова, а он улыбался и твердил как дурак «прости, прости», потому что не знал, что отвечать и нужно ли вообще это делать.

Там, возле двери, стоял кто-то еще. Игни посмотрел сквозь завесу Никиных волос. Та самая неумеха-водитель ведра с болтами, в которое он влетел на перекрестке неделю назад и которой он так опрометчиво доверил ключ. Судя по всему, вместо Князева она нашла Нику, и

Игни был за это благодарен. Даже простил бы ту аварию, хоть в ней и крылся источник всех бед. О чем он и собирался сообщить прямо сейчас, но девчонка не обращала на него никакого внимания, буквально вцепившись взглядом в Машу.

Точно, Маша... и она поспешно катила свое кресло к выходу.

Наставник сказала бы, что это *не по-людски*, но Игни даже порадовался такому финалу.

Все разрулилось без его участия.

У него накопились вопросы к той, второй, но она рванула вслед за коляской.

— Вернется, — заверила Ника и мягким движением руки заставила его лечь. Поправила одеяло, а затем свернулась калачиком, насколько хватило места, на самом краю кровати и замерла под его локтем, словно наконец-то оказалась там, где должна была быть. Среди неловко сплетенных рук, перепутавшихся волос, больничного белья с запахом хлорки. Доверчивого тепла друг друга и ровного дыхания в унисон.

Он боялся шевельнуться, чтобы ее не потревожить. Только когда рука затекла окончательно, попытался сменить позу, но Ника удержала его даже в полудреме.

Сам Игни боролся со сном. Казалось, что стоит только закрыть глаза, ее снова не окажется рядом.

— Прости, малыш, — шепнул он, думая, что Ника уже не слышит. — Я слил все, что только мог.

Она услышала. Чуть крепче вжалась в него спиной, ответила в тон:

— Все в порядке. Мы это исправим. — И добавила спустя секундное молчание: — Я так и не смогла найти маму. Ходила к институту, надеялась проследить за... Второй мной. Но ее там не было. И наш дом сгорел.

Игни об этом не знал. Вряд ли старуха-Наставник выбрала самосожжение, чтобы отойти в мир иной. Когда он уезжал, дом оставался цел и невредим, хоть и не обещал простоять вечность. Правда — старье, проводка, газовые баллоны. Он и сам это видел.

Было еще кое-что, мучавшее его гораздо сильнее судьбы той деревянной развалюхи.

— Почему Шанна не дождалась меня в городе? Она могла бы догадаться, что все пошло не по плану. Залезть в Полупуть и узнать, куда переехала твоя мама и эта... — ядовитое имя «подмены» не шло у него с языка. Впрочем, Ника и так поняла, кого он имел в виду. — Легче легкого!

— Шанна боялась, что ты ее увидишь.

Звук, который он издал, сложно было назвать уважительным.

— Но ты ни в чем не виноват, — поспешила объясниться Ника. — Просто... Через тебя ее увидел бы Антон, и тогда... Тогда... Хм. В общем, она изменилась.

— Обросла рогами и копытами? — не сдержался Игни. — Не удивлен. Давно пора.

— Прекрати. Все и правда невесело.

Надо думать, подробностей из нее не вытянешь, можно даже не пытаться. Причина та же: Князев услышит.

Долбаная вторая душа. Даже сейчас незримо присутствует. Засел в башке или где там его штаб-квартира. Ночью явится. Только не в больницу. Сначала будет шляться поблизости, а потом поползет домой. У него же теперь *дом*. Есть куда ползти.

Хотя бы не на улице сдохнет.

— Ну, а ты? Что с тобой случилось?

— Заглянул в лицо своей смерти. Прикинь, она ездит на старой «Волге»!

— Божена? — Ника обернулась, сна ни в одном глазу: — Так это она тебя, что ли?..

Упомянутая Божена как раз возникла в палате — угрюмой зимней ночи, она спрятала руки в карманы широченных штанов, подперла плечом стену и взирала на обоих — Игни и Нику — с неприкрытой враждебностью.

— Доволен?

— Ключ, — отрезал Игни, у которого тоже не было причин пылать любовью к девчонке-аварии. Он попытался встать — валяться в кровати перед этой пигалицей не хотелось — и, скорее всего, ему бы это удалось, если бы не предательское отсутствие какой-либо одежды, кроме нижнего белья. Вовремя передумав, он остался сидеть с негнущейся в гипсе ногой и одеялом, накинутым на плечи наподобие римской тоги.

— А что, если я его уже отдала кому надо? — огрызнулась Божена, чем вызвала у него кривую усмешку.

— Не болтай, с Князовым ты не встречалась. Давай сюда.

Почувствовав на ладони холодок металла, Игни убедился в том, что это именно тот ключ, и протянул его Нике, которая сидела рядом и тепло прижималась к его плечу.

— Я все решу. Пусть пока побудет у тебя.

При этом сам прекрасно понимал, что ни черта он не решит. По крайней мере, в ближайшее время. До тех пор пока окружающий мир не прекратит плясать перед глазами всякий раз, стоит только на него посмотреть.

— Что теперь? — раздался напряженный голос Божены. — Гайцам на меня настучишь?

— Пока не знаю. — Он устало откинулся на подушку и закрыл глаза. Неужели она до сих пор об этом парится? «Тонешь сам — топи другого». И почему он сам-то до этого не додумался?

— Очень благородно, — фыркнула горе-водитель. — С учетом того, что именно ты в меня впилился. Пьяный, — уточнила она недобро. — Лишение прав от полутора до двух. И тридцать косарей штрафа сверху.

От названной суммы полыхнуло в груди, но Игни не подал виду, что она его ошеломила.

— Сама-то вообще скрылась с места ДТП, — парировал он неубедительно. — Знаешь, что за такое бывает?

Надеялся услышать ответ от нее же, потому что в теории откровенно «плавал». И не ошибся. Было заметно, что, в отличие от него, Божена посещала автошколу.

— Лишение от года до полутора. Или арест на пятнадцать суток.

На последней фразе ее голос сорвался. Значит, все-таки боится.

По меркам Игни, оба наказания были ничтожными, но девушка явно так не считала, а потому следовало подцепить добычу покрепче.

— Камер там не было, — начал он, рассуждая словно бы сам с собой. — Свидетелей тоже. Тебя никто не видел. Ну, кроме того, кто *якобы* ничего не помнит...

— Князева ищут родные, — выпалила Божена, решив, видимо, что эта информация важна для него и компенсирует неудачу с ключом. — Нашедшему его живым или мертвым обещают двести тысяч. Хватит на то, чтобы покрыть твой штраф и отремонтировать байк. Ну, и мне на...

— Нет, — вмешалась Ника, которая слушала их перепалку молча. — Из этого ничего не выйдет.

— Хочешь сказать, он и сам не знает, где искать этого Князева?

— Знаю, — признался Игни, за что получил от Ники легкий тычок в плечо. — Раньше он просто шатался по городу, но теперь у него есть дом или вроде того, короче, каждую ночь

он приходит туда, и никто этому не удивляется. Если и искать его, то только там. Сразу говорю, наши денежные проблемы это вряд ли решит.

— Да, но...

— Ника объяснит тебе позже. Сейчас есть проблема поважнее. Кое-кого нужно вернуть на свое место.

И Игни вкратце изложил свой план, который никто не оспаривал, потому что ничего получше они все равно предложить не могли.

В проеме двери замаячил белый халат, и выражение лица его обладательницы не сулило всем присутствующим ничего хорошего.

— Улица Нестерова, дом тридцать пять. Поможешь Нике, и я забуду о тебе по-настоящему, — договорил он, прежде чем медсестра гневным окриком велела освободить помещение.

В институт она ходить перестала. Игнорировала звонки подруг, сутками не показывалась на улице и даже комнату покидала лишь для того, чтобы поесть или принять душ. С утра до вечера Арсеника валялась в постели с телефоном и наушниками, листала журналы, читала истории из жизни звезд, но даже это не помогало отвлечься.

Интересно, что думает о ее внезапном исчезновении Ландер? Заболела? Сбежала? Умерла?

Сбросив с колен залежи глянца, Арсеника выбралась из-под одеяла, поежилась от прохлады и направилась в кухню. Надо запихнуть в себя хоть какую-то еду, решила она, иначе недалеко и до последнего.

Рука привычно потянулась к пульту, но отдернулась раньше, чем успела нажать на кнопку.

Новостей Арсеника боялась тоже.

Это вовсе не означало, что она перестала желать Ландеру смерти, но и узнавать подробности так, как их обычно освещают в криминальной хронике, не стремилась. Особенно зная, что заказчик — она, а исполнитель...

Именно он, а не Ландер, был той самой причиной, которая заставляла ее сутками торчать в квартире, рано ложиться и спать до обеда, морщиться при виде еды, а на вопросы матери отговариваться плохим самочувствием. Арсеника и правда чувствовала себя нездоровой, словно он что-то с ней сделал. Вернее, что-то у нее отобрал.

А ведь на первый взгляд показался вполне безобидным. Нелепый мальчишка с плохими манерами и пафосными речами. Неудачник. В компаниях сверстников такие часто бывают изгоями. Над ними смеются, а они не понимают причины. Не замечают, как глупо выглядят со стороны и продолжают всех раздражать.

А потом он рассказал ей про гроб. А потом ударил по лицу. А потом...

Воспоминания вызвали судорожный всхлип. Почему она это позволила? Чем думала, когда Дев — собачья кличка, звук плевка — запоем целовал ее там, у себя в кухне? Он ведь даже ей не нравился... Но она не сопротивлялась.

Вкус едва теплого чая внезапно вызвал дурноту. Арсеника поспешно отодвинула чашку и глубоко задышала, пытаясь вышвырнуть из головы слишком яркие картинки случившегося, но они все равно продолжали мелькать. Она тоже целовала его. Развязно, жадно, словно только этого и ждала. Чувствовала металлический шарик пирсинга в его языке, и это было... Словно кто-то выложил в Сеть видео с тихоней-старостой твоей группы, которая предается разврату с двумя престарелыми извращенцами. Или ты возвращаешься домой поздней ночью и видишь соседа — милого мальчика со скрипочкой, вгоняющего иглу шприца себе в вену прямо на лестничной клетке. Только все мерзости, которые узнала Арсеника, касались не кого-то, а ее самой.

Они ненадолго оторвались друг от друга только для того, чтобы он выкурил сигарету, а она допила свое пиво. Но даже тогда у нее не возникло мысли уйти. Затем все продолжилось в комнате.

Арсеника сжала ладонями виски и тихонько застонала. Это *все* она помнила до отвращения ясно. Собственные вскрики вперемешку со звуками заставки видеоигры из телевизора. Татуировка под ключицей, которую она видела все время и казалось, что это

никогда не закончится: *Jus vitae ac necis*, затайливая мелкая вязь. «Право распоряжения жизнью и смертью» — перевод она нашла уже дома. И запах. Запах чужого человека — его волос, слюны, пота, этих чертовых чернил — всего того, что она потом долго и ожесточенно смывала с себя в ванной. Терла лицо и шею мочалкой так, словно пыталась содрать кожу.

— Дочь, ты что-то совсем бледная. — На лоб легла шершавая ладонь матери. — Температуры вроде нет...

— Я в порядке, — бросила Арсеника свою дежурную фразу, мысленно возвращаясь в их маленькую кухню с рыжей лампой, светлыми обоями и раскидистым фикусом в кадке.

— Может, хотя бы до магазина прогуляешься? Я хлеб забыла купить. Ну нельзя же совсем без свежего воздуха...

Помедлив, Арсеника кивнула. Воздух. Вот чего ей так сейчас не хватало. Морозный, колкий. Чтобы почувствовать хоть что-то, кроме свинцовой тяжести в голове и постоянного желания спать. Пусть будет холод. Ей нужен воздух...

Вопреки обыкновению, она не стала тратить время на макияж. Накинула пуховик Ники, сунула ноги в ее же разношенные угги и вышла в подъезд, пошатываясь от того, что давно не покидала квартиру и что вообще на это осмелилась.

В почти безлюдном супермаркете Арсеника долго бродила по кругу. Это немного помогало забыться. Выбрав очередной ненужный шампунь и газету для матери, она зачем-то положила в корзинку бутылку вина, хотя терпеть не могла спиртное. Снова обошла все ряды, и только когда внимание со стороны охранника стало совсем неприкрытым, остановилась у полок с хлебом.

Стоило ей протянуть руку за буханкой, как за спиной что-то коротко пшикнуло. Арсеника почуяла неладное, но отскочить не успела — через мгновение ее с головы до ног окатило коричневатой пеной.

Издав гневный вопль, она обернулась. Источником беды оказалась бутылка «колы» в руках меткой кареглазой девицы.

— Прости, я такая неловкая, — проблеяла та, поспешно закручивая крышку. Затем достала из кармана куртки замызганный платок и бросилась оттирать промокший пуховик. Арсеника открыла рот, чтобы высказать засранке все, что о ней думает, но ругательства застряли в горле. Больше всего ей захотелось разреветься. Выхватив платок из рук перепуганной девушки, Арсеника, как смогла, вытерла затылок и шею. Пальцы мгновенно слиплись от сладости.

— Тебе нельзя на улицу в таком виде, там холодно, — дрожащим голосом проговорила эта беда в кислотно-зеленых наушниках. — Я на машине. Если хочешь...

Можно подумать, у нее был выбор.

Едва оказавшись снаружи, Арсеника подумала, что все не настолько критично и она, пожалуй, могла бы дойти до дома сама — особого холода не ощущалось, да и всего-то пара дворов пути. Но стоило только выйти из-под козырька и подставить влажные волосы ветру, как выдержки едва хватило на то, чтобы не сдернуться в несолидный бег до обещанной тачки.

Назвать этот транспорт по-другому язык не поворачивался — девчонка наверняка унаследовала его от деда, если не прадеда. Кузов до дыр разъела ржавчина, а сев в салон, Арсеника начала всерьез опасаться, что пол под ее ногами провалится до асфальта вместе с засаленными креслами. По дороге они тащились со скоростью усталого пешехода. Когда нужно было пропустить встречную машину, «Волга» со скрежетом запрыгивала на бордюр и

останавливалась. Двигатель глох, девчонка ругалась и дергала ключ зажигания. Трогались с рывком, от которого Арсеника билась затылком о подголовник, и ехали дальше. Несколько раз свернули не туда, и наконец, когда она окончательно психанула и заявила, что дальше пойдет пешком, нужный дом как по волшебству оказался рядом.

Выйдя на улицу, Арсеника с трудом удержалась, чтобы не броситься целовать землю. Она отмахнулась от извинений придурочной девицы и широко зашагала к подъезду в мечтах поскорей оказаться под горячим душем и вместе с остатками газировки смыть с себя воспоминания об этом случае.

Она пошарила по карманам и поняла, что забыла дома ключи. Впрочем, это было нестрашно — мать, кажется, никуда не собиралась.

Арсеника набрала номер квартиры на домофоне.

— Кто?

Странно, что она спрашивала. Можно подумать, есть варианты.

— Я, — ответила Арсеника, переступая с ноги на ногу. Холод отвоевывал себе все больше пространства под ее курткой.

— Кто «я»?

— Вера!

Да что же это за допрос с пристрастием? Сколько можно? Она потянула за ручку, но мать не открывала. А после сказала то, от чего у Арсеники подогнулись колени:

— Вера уже дома. Вы, наверное, ошиблись.

Только она собралась возмутиться, дверь подъезда распахнулась и выпустила парня с собакой. Воспользовавшись моментом, Арсеника нырнула внутрь. Пока поднималась в лифте, сочинила целый монолог, которым собиралась высказать матери все, что думает о ее глупых шутках. Бросилась к двери, нажала кнопку звонка и не отпускала до тех пор, пока не услышала голос.

— Уходите! — Мать по-прежнему не открывала, словно боялась ее увидеть. — Говорю вам, Вера — дома! Если вы не уйдете, я позвоню в полицию!

— Совсем, что ли, тронулась? — проорала она в ответ. — Ты сама меня в магазин послала! — И снова со всей силы нажала на звонок. Когда палец заболел, она заколотила в дверь ногами. Изнутри не доносилось ни звука. Окончательно обессилив, Арсеника привалилась плечом к стене и прислушалась.

— Да, — говорила мать, явно не отходя далеко от двери, — да, кто-то пытается проникнуть в квартиру...

— В психушку позвони! — со злостью выкрикнула Арсеника и бросилась вниз по лестнице.

Выскочив на улицу, саданула кулаком по домофону и застыла, прислонившись лбом к холодному металлу входной двери.

Даже не верилось, что все это действительно с ней происходит. Безо всяких объяснений ее только что выставили из собственного дома. Вещи, деньги, документы Ники — все осталось там, внутри.

Сейчас у Арсеники не было ничего, кроме того, что на ней. И в городе она никого не знала.

Отступив на несколько шагов и запрокинув голову, она отыскиала взглядом окна своей квартиры. Какого черта произошло у матери в голове за тот час, что ее не было? Что там у нее за Вера?..

К утру наверняка одумается. Но до утра нужно было где-то перекантоваться.

Снежные крупинки, подхваченные ледяным ветром, больно впивались в лицо и шею. Опустив голову, Арсеника побрела прочь от родного подъезда. Мимо прогрохотала ржавая «Волга». Шурясь от летящего в глаза снега, Арсеника посмотрела ей вслед и вдруг ускорила шаг, озаренная внезапной идеей.

— Стой! — крикнула она и бросилась вперед по тротуару, размахивая руками в попытке привлечь к себе внимание. Ее заметили. Тяжелая машина притормозила и некоторое время катилась по дорожной наледи, пока не замерла в отдалении, дымя выхлопной трубой. Арсеника и сама несколько раз поскользнулась и чуть не упала, пока не вцепилась в ручку передней двери и не забралась на пассажирское сиденье, которое на этот раз показалось не таким уж грязным.

— Подвези меня, пожалуйста, снова.

Темноволосая девчонка стянула с головы наушники и вопросительно подняла брови. Энтузиазмом при этом явно не пылала.

— Я ошиблась. Мне нужно не сюда. Поможешь?

Тяжело вздохнув, та передернула рычаг коробки передач. Внутри что-то подозрительно хрустнуло.

— Показывай дорогу.

Арсеника даже представить не могла, что сама, по доброй воле явится туда, где потеряла себя. Но мысль о том, что придется ночевать на вокзале или, еще хуже, прямо на улице, внушала гораздо больший ужас, чем перспектива провести ночь в квартире Дева.

Она больше не позволит ему к себе прикоснуться.

Только бы впустил...

Цепenea от неприятных воспоминаний, которые вызывало здесь все, начиная от крашенных в зеленый стен и заканчивая тухлой вонью на лестничных клетках, Арсеника поднялась на нужный этаж и замерла перед той самой дверью. Вдохнула. Выдохнула. И позвонила.

Сквозь приоткрывшуюся щель из полумрака квартиры потянуло дымом сандаловых палочек. Атмосфера недавнего унижения возвращалась последовательно и неумолимо, и главный ее источник в поношенном спортивном костюме — низко расстегнутый воротник куртки позволял разглядеть вязь татуировки — стоял сейчас в дверном проеме. Черные волосы парня топорщились вокруг сдвинутого на затылок оптического прибора, похожего на стимпанковые очки-гогглы.

— Привет, — сказала она первой, потому что Дев здороваться не спешил. — Впустишь?

Он сдвинул ее в сторону и окинул взглядом лестничную клетку. Убедившись, что Арсеника пришла одна, кивнул и посторонился.

— Ты со своим?

Только сейчас Арсеника поняла, что руку по-прежнему оттягивает пакет с вином и хлебом. Протянув его Деву, она начала снимать куртку.

Квартира тонула в полумраке. Единственным светлым пятном была кухня — оттуда по коридору разливался белый больничный свет, и именно туда с дрожью внутри направилась Арсеника. Дев сидел за столом, заваленным проводами, обрезками проволоки и деталями неизвестно чего. Снова нацепил свои высокотехнологичные очки, которые, скорее всего, были обыкновенной лупой, и пристально разглядывал лежащую перед ним микросхему,

периодически тыкая в нее паяльником. От раскаленного конца прибора поднимался резко пахнувший дымок. Все вместе — темнота, резкие тени от лампы дневного света и этот парень с прической безумного ученого, нависший над непонятным механизмом, — выглядело довольно гротескно.

Арсеника присела на край стула и обнаружила стакан с вином. Открытая бутылка стояла рядом. Себе он не налил.

Она сделала глоток, поерзала и кашлянула. Дев продолжал орудовать паяльником молча. От нечего делать Арсеника стянула со стола шутовину, напоминающую сломанные электронные часы, и повертела ее в руках.

— Положи на место!

Надо же, а с виду ничего не замечает...

— А что ты делаешь?

Он посмотрел прямо на нее сквозь эти свои жутковатые линзы, в которых отражался трепещущий яркий блик лампы.

— Оптимизирую конструкцию токоприемников.

И снова уткнулся в работу.

— Дев, послушай...

— М-м?

— Можно, я... — Винная кислинка на языке придавала смелости. Чтобы закрепить результат, Арсеника выпила еще чуть-чуть и быстро договорила: — Останусь у тебя до утра?

Отложив в сторону паяльник, Дев стянул с головы лупу, вытер пол тыльной стороной руки и широко улыбнулся.

— Ого! А ты не слишком торопишь события? Может, для начала просто пообщаемся? Узнаем друг друга получше?

Смешно. Особенно с учетом того, чем закончилась их предыдущая встреча.

— Я не хочу тебя узнавать. — Дев насмешливо вздернул бровь. — Просто мне больше некуда идти.

Его глаза лихорадочно блестели, да и сам он выглядел нездоровым. Румянец, испарина, дыхание хриплое. Все это она отметила прежде чем отвернуться. Но продолжала чувствовать, что он смотрит. Долго. Слишком долго.

— Расплачиваться-то чем собираешься?

Арсеника вздрогнула, как раньше, когда он ее ударил. Кровь прилила к лицу, в ушах зашумело. До боли стиснув зубы и сжав ладони в кулаки, она сделала вид, что пристально рассматривает что-то за окном, а сама едва сдерживала слезы.

Может ли считаться платой то, что он и так уже получил?..

— У меня ничего нет, — сказала она сипло.

— Знаю. Поэтому и спрашиваю.

Нужно было встать и уйти. Вот прямо сейчас, смахнув рукавом со стола несколько его бесценных микросхем. Молча одеться в прихожей, спуститься вниз, с каждым шагом все крепче забывая дорогу обратно, чтобы в конце концов, оказавшись на улице, не суметь вспомнить ее совсем. А дальше брести наугад, задыхаясь от ветра. Глотать стылый воздух и смотреть на чужие окна, за которыми дышат в подушки чужие жизни. Нестерпимо далекие, сонные, теплые — и чужие.

Но она не ушла, потому что не умела бродить в темноте наугад. Ей нужен был кто-то, кто вел бы ее за руку.

— Оставайся. Постель здесь всего одна. Хотя тебя это смущать не должно.

И, помешав ей произнести слова благодарности, Дев тяжело закашлялся.

Весь остаток вечера они почти не разговаривали. Изредка обменивались просьбами что-нибудь подать или принести. В молчании поужинали заказанной пиццей и допили вино. Приняв душ, Арсеника попросила что-нибудь из одежды. Дев достал из сумки и протянул ей черную футболку — слишком короткую, чтобы расхаживать в ней по квартире. Переодевшись, Арсеника сразу же юркнула под одеяло и сжалась на краю надувного матраса. Дев погасил свет, зато включил телевизор. Очередная кровавая видеоигра с рычащими монстрами и грохотом выстрелов. Щелканье кнопок, мерцающий свет экрана. Арсеника постеснялась сказать, что все это ей мешает. Лежала с закрытыми глазами и надеялась заснуть раньше, чем он окажется рядом, но сон все не шел, и, когда она почти собралась с духом в этом признаться, Дев отложил в сторону консоль видеоприставки и вышел из комнаты. Арсеника потихоньку встала, нащупала пульт и убавила громкость звука до минимума.

В кухне брякнуло и зазвенело. Она замерла с широко раскрытыми глазами, прислушалась, но звук не повторялся. Только дверца кухонного шкафа хлопнула слишком громко, затем еще раз, и еще. Словно Дев что-то искал, но делал это очень... неаккуратно.

Арсеника вышла в прихожую, нащупала рукой стену и пошла в сторону кухни, быстро моргая, чтобы глаза поскорей привыкли к темноте.

Дев стоял напротив окна в странной позе — с опущенной головой и вытянутыми перед собой руками. Подойдя чуть ближе, она скорее догадалась, чем увидела — нож. Дев держал его так, словно собирался зарезаться.

— Не надо.

Было слишком темно, чтобы различить выражение его лица.

— Не надо, — повторила Арсеника и приблизилась еще на шаг. Дев казался спокойным, даже равнодушным. — Отдай это мне.

Она протянула руку ладонью вверх, почти коснувшись его сцепленных пальцев, и почувствовала, что они начинают разжиматься, ослабляя хватку.

— Я возьму, ладно?

Арсеника подхватила нож за пластиковую рукоятку и отшвырнула в сторону. Дев продолжал стоять напротив, покачиваясь, и смотрел куда-то поверх ее плеча.

— Зачем ты так?

— *Он* меня попросил...

— Кто *он*?

Арсеника шептала, Дев говорил в полный голос. Не кричал, не истерил и не бил посуду, но все равно выглядел безумным. То, *как* он говорил, и смысл его слов принадлежали сумасшедшему.

— Вон тот. — Слабый кивок в сторону стола, за которым никто не сидел. — Сказал, чтобы я взял нож, лег в гроб... — рассеянный взгляд на пустое пространство пола возле холодильника, — ...и убил себя. Ты что, не видишь?

— Гроб тоже здесь? — спросила Арсеника, чувствуя, как опора начинает уходить у нее из-под ног.

— Ты что, не видишь? — повторил Дев, прежде чем упасть на колени, а потом лицом вниз на холодную кафельную плитку.

— Мне по-прежнему нечем платить.

Следовало признаться в этом раньше — прежде, чем сесть в его машину и позволить отвезти себя домой. Но Арсеника спасовала перед выбором между идти пешком или просить у Дева денег на проезд, к тому же, он сам дал понять, что в это утро их маршруты совпадают. Эту поездку она помнила плохо — кроме того, что страшно было до чертиков. Дев гнал как безумный, ни на секунду не снижал скорость, игнорируя светофоры и попутки. Подрезал, проскакивал на красный, ему сигналили, а он только давил на газ и снова нырял из ряда в ряд под депрессивный инструментал, который мог бы стать саундтреком к сюжету о том, как главные герои гибнут в автокатастрофе. Пару раз Арсенике казалось, что столкновение неизбежно. Тогда она закрывала глаза и чувствовала, как от скорости в животе образуется пустота. Но полет продолжался. Иногда она посматривала на Дева и тут же отводила взгляд. Видеть его безумную улыбку было сильнее нее. Можно подумать, у него в запасе имелось несколько жизней, и он собирался истратить одну из них прямо сейчас. Даже когда автомобиль остановился напротив знакомого подъезда, ее все еще продолжала бить нервная дрожь.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Во вселенной «Ведьмака» Анджея Сапковского знак Игни — один из ведьмачьих знаков, основанный на элементе огня, знак Аард — на элементе воздуха.